

ПИСЬМА БЛОКА К К. И. ЧУКОВСКОМУ И ОТРЫВКИ ИЗ ДНЕВНИКА К. И. ЧУКОВСКОГО

Вступительная статья, публикация и комментарии Е. Ц. Чуковской

1

Блок и Чуковский принадлежали к одному поколению — Блок всего на полтора года старше Чуковского. Но Чуковский пережил Блока почти на полстолетия и поэтому его имя в сознании многих читателей связано с другим временем, с другой эпохой.

Поначалу личные отношения поэта Александра Блока и критика-фельетониста Корнея Чуковского сложились неблагоприятно. Знакомство их относится, вероятно, к 1906—1907 годам, когда Чуковский переехал в Петербург и начал печатать свои критические статьи в «Весах», «Ниве», «Речи», «Русской мысли» и других изданиях. Он, по собственным словам, «перезнакомился чуть ли не со всеми литераторами», часто выступал с чтением лекций, вызывавших шумные споры и полемику в печати. Среди первых же работ молодого критика (Чуковскому тогда было двадцать пять лет) можно назвать такие, в которых он писал о Блоке. Это — статьи: «О современной русской поэзии»¹, «Об Александре Блоке»², «О хихикающих»³ и др.

Уже в это время Чуковскому случалось выступать перед публикой вместе с Блоком. Так, например, 13 июля 1907 г. и Блок и Чуковский приняли участие в литературном отделении «Вечера нового искусства», устроенного Мейерхольдом в театре-казино финляндского курорта Териоки⁴.

В то время Блок относился с неприязнью к литературной деятельности Чуковского. В статье «О современной критике», опубликованной в конце 1907 г., Блок писал: «Вот уже год, как занимает видное место среди петербургских критиков Корней Чуковский. Его чуткости и талантливости, едкости его пера — отрицать, я думаю, нельзя. Правда, стиль его грешит порой газетной легкостью. . .» (V, 203). Полемизируя далее со статьями Чуковского о бальмонтовских переводах Уитмена и главным образом со статьями о Леониде Андрееве, Блок утверждает: «Чуковский — пример беспочвенной критики». Еще более резко высказывается он о Чуковском в своих «Записных книжках» того времени.

Через 46 лет в письме к исследователю биографии и творчества Блока — Д. Е. Максиму Чуковский вспоминал: «Что же касается нападок Блока на меня, то они были вполне закономерны: часто я писал откровенно, вульгарно, безвкусно. И Блок, естественно, возмущался моими писаниями»⁵.

В воспоминаниях о Блоке Чуковский так характеризует этот период их отношений: «Все эти годы мы встречались с ним часто (речь идет о десятых годах. — Е. Ч.) — у Ремизова, у Мережковских, у Комиссаржевской, у Федора Сологуба, у < . . > Руманова, и в разных Петербургских редакциях, и на выставках картин, и на театральных премьерах, но ни о какой близости между нами не могло быть и речи. Я был газетный писатель, литературный поденщик, плебей, и он явно меня не любил. Письма его ко мне, относящиеся к тому времени, — деловые и сдержанные, без всякой душевной тональности»⁶.

Эти далекие отношения переменились лишь в конце жизни Блока, в 1919—1921 гг. Впрочем, есть основания полагать, что Блок несколько изменил свои взгляды на литературную деятельность Чуковского уже и раньше. Так, известно, что именно Блок предложил Луначарскому поручить редактуру первого послереволюционного издания стихотворений Некрасова Чуковскому и Евгеньеву-Максиму⁷. Книга эта вышла в 1920 г. под редакцией Чуковского и с биографическим очерком Евгеньева-Максимова⁸.

В сентябре 1918 г. Горький организовал в Петрограде издательство «Всемирная литература». В редакционную коллегию экспертов вошли Ф. Д. Батюшков, А. А. Блок, Ф. А. Браун, А. Л. Волянский, Е. И. Замятин, М. Горький, Н. С. Гумилев, А. Я. Левинсон, Г. Л. Лозинский, А. Н. Тихонов (Серебров) и К. И. Чуковский⁹. Совместная работа во «Всемирной литературе», в секции исторических картин и в Доме искусств привела к тому, что Блок и Чуковский виделись чуть ли не ежедневно.

«В то трехлетие (1919—1921), — пишет Чуковский, — мы встречались с ним очень часто — и почти всегда на заседаниях: в Союзе деятелей художественной литературы, в Правлении Союза писателей, в редакционной коллегии издательства Гржебина, в коллегии «Всемирной литературы», в Высшем совете Дома искусств, в секции исторических картин и др.

Через несколько месяцев нашей совместной работы у него мало-помалу сложились привычка садиться со мною рядом и изредка (всегда неожиданно) обращаться ко мне с односложными фразами. . . »¹⁰.

В «Записных книжках» Блока тех лет отмечены многие литературные разговоры с Чуковским, лекции Чуковского, на которых побывал Блок, совместные заседания во «Всемирной литературе», стихи для «Чукоккалы»¹¹.

В 1920 г. Чуковский начал работать над книгой о Блоке.

Книга Чуковского была почти закончена при жизни Блока. Блок был безусловно знаком с ее содержанием, слышал отрывки из нее на лекциях Чуковского. Их совместные выступления в апреле—мае 1921 г. показывают, что Блок, очевидно, благожелательно отнесся к высказанным в книге суждениям Чуковского.

Так, 25 мая 1921 г. Блок пометил в своем дневнике: «Чуковский написал обо мне книгу и читал ряд лекций. Отсюда — наше сближение, вечер в театре 25 апреля, снимались Наппельбаумом» (VII, 421).

«Книга об Александре Блоке» была опубликована Чуковским через несколько месяцев после кончины Блока и посвящена исследованию его поэзии. В предисловии Чуковский писал:

«В начале 1920 года, во время яростных нападок заграничной печати на поэму Блока «Двенадцать», мне захотелось осветить эту поэму по-своему < . . . > Мне было ясно, что эта поэма неразрывно связана со всем предшествующим Блока и что понять ее может только тот, кто близко знаком с этим творчеством. < . . . > Поэтому, прежде чем говорить о «Двенадцати», я решил сделать беглый обзор предшествующих произведений поэта. < . . . > Я писал страницу за страницей и с огорчением видел, что предисловие разрастается в большую статью, а до «Двенадцати» еще далеко»¹².

На страницах книги Чуковского мы читаем: «В „Двенадцати“ высший расцвет его творчества, которое — с начала до конца — было как бы приготовлением к этой поэме < . . . > Я назвал его поэму „Двенадцать“ гениальной. Блок для моего поколения — величайший из ныне живущих поэтов. Вскоре это будет понято всеми»¹³. (Написано еще при жизни Блока.)

В архиве Чуковского сохранилось письмо М. М. Шкапской, которая была дружна с матерью Блока. 26 января 1922 г. Шкапская пишет: «Александра Андреевна < . . . > просила меня передать Вам, что книга ей очень понравилась. Она выразилась так: «на многое я могла бы возразить, но в целом написано необычайно талантливо и сказаны об Александре Александровиче поистине драгоценные вещи»¹⁴.

В своей «Книге об Александре Блоке» Чуковский занимался исключительно анализом его поэтического творчества, а в статье «Последние годы Блока» он поставил перед собой уже другие задачи. Он написал портрет Блока—человека, того человека, которого он узнал и полюбил в «последние годы жизни», которому он сострадал и сочувствовал, которым восхищался. Это — воспоминания о Блоке, написанные в первые же месяцы после его кончины. Статья опубликована в «Записках мечтателей», № 6. Весь этот номер, выпущенный издательством «Алконост» весной 1922 г., посвящен памяти Блока. Там же опубликованы «Воспоминания об Александре Александровиче Блоке» Андрея Белого. В октябре 1921 г., когда этот сборник еще готовился к печати, Белый прочел статью Чуковского и написал в «Чукоккале»:

«Корнею Ивановичу Чуковскому с чувством двойной симпатии: к нему лично; и к нему — за Блока, который для нас обоих так много значит.

Блок есть тот, кого понесут поколения русских к золотому бездорожью вселенского света; он будет жив, пока жива Россия. . . »¹⁵.

Продолжая вспоминать Блока, его судьбу, его стихи, Чуковский несколько дополнил свои работы о нем. В 1924 г. «Последние годы Блока» и «Книга об Александре Блоке» в переработанном виде были объединены в книгу «Александр Блок как человек и поэт»¹⁶.

Через сорок лет, в 60-е годы, Чуковский вновь вернулся к воспоминаниям о Блоке. Эти воспоминания вошли в его книгу «Современники». В 1965 г. он написал еще одну работу. Речь идет о комментариях к многочисленным блоковским автографам в «Чукоккале»¹⁷. В разное время Блок записал в рукописном альманахе Чуковского не только свои стихи (отрывок из «Скифов», «Чуковскому», «Продолжение Стихов о Предметах Первой Необходимости», «Сцена из Исторической картины «Всемирная литература», «Как всегда были смутны чувства. . .»), но и прозаические отрывки — шуточные протоколы открытия (и закрытия) «Дома искусств», юбилейные поздравления Горькому и М. Кузмину и многое другое. С именем Блока связаны десятки наиболее значительных и важных страниц альманаха. Большинство этих блоковских записей теперь опубликовано¹⁸. Есть в «Чукоккале» и стихотворение «Пушкинскому Дому», написанное рукою матери Блока, билеты на его выступления и другие записи и документы.

Тогда же, в 60-х годах, Чуковский подготовил сборник стихотворений Александра Блока. Сборник вышел с его предисловием в издательстве «Детская литература» в 1968 г. Об этом небольшом сборнике хочется вспомнить потому, что Чуковский отобрал для него свои любимые стихи. В этом сборнике напечатаны те стихи Блока, которые сопровождали Чуковского всю жизнь, которые он знал наизусть. Он не то чтобы цитировал Блока, а обо многом думал и говорил строками блоковских стихов, не подыскивая своих слов, считая эти стихи лучшим воплощением собственных мыслей и чувств. Стихи расположены не по хронологическому принципу, но в последовательности, установленной составителем.

Завершается сборник стихотворением, которое оказалось нерасторжимо связанным с последними днями Чуковского. Именно эти стихи повторял Корней Иванович в больнице, чувствуя приближение конца, в последние дни своей смертельной болезни:

Боль проходит понемногу,
Не навек она дана.
Есть конец мятежным стонам.
Злую муку и тревогу
Побеждает тишина.

В архиве Чуковского сохранилось 7 писем и открыток от Александра Блока¹⁹. Они охватывают период с марта 1907 г. по май 1921-го. Из них только два письма были опубликованы раньше²⁰, остальные впервые печатаются на страницах этого тома. В примечаниях к письмам Блока также впервые помещены пространные выдержки из писем к нему Чуковского. Эти письма (их всего 11) хранятся в ЦГАЛИ²¹.

4 письма Блока (1907—1919) носят чисто деловой характер. 3 письма (1919—1921) отличаются, как верно заметил Чуковский, «совсем другою тональностью». Писем этих немного: в то время Блок и Чуковский часто виделись. За короткими и немногочисленными письмами встает трудная жизнь тех лет. «Сейчас я высиживаю Гейне <. . .> и еще один возможный паек», — пишет Блок. И в другом письме: «Увы, продовольствия «Горох» не шлет». Чуковский, приглашая Блока выступить с чтением стихов, называет среди аргументов «угощение» (хотя и «скудное»). Однако, разумеется, в переписке речь идет не только о пайках. Блок спрашивает Чуковского о французской пьесе, которую в 1842 г. перевел Некрасов, просит передать З. Н. Гиппиус, что она делает неверные выводы из его стихов.

Особое место в переписке занимает последнее письмо Блока к Чуковскому. Письмо это — глубокое и трагическое: оно написано человеком, который сознает, что стоит на пороге смерти. Он прощается не только с адресатом, но и с самой жизнью.

Не только письма Блока и его записи в «Чукоккале», но и Дневник Чуковского тех лет предоставляет новые факты для биографии Блока. Свой Дневник Чуковский вел начиная с 1900 г. и до последних дней жизни. Записи касаются, главным образом, литературных событий, всегда стоявших в центре его интересов²². Прав был Зощенко, написавший в 1934 г. в «Чукоккале»: «Наибольшее всего завидую, Корней Иванович, тем Вашим читателям, которые лет через 50 будут читать Ваши дневники и весь этот Ваш замечательный материал»²³. Действительно, Дневник Чуковского богат описаниями обстоятельств и лиц, оставивших след в нашей литературе.

Для этого тома отобраны выдержки из Дневника Чуковского, касающиеся Блока. Главное, что характеризует записи Чуковского о Блоке, — это неизменное сочувствие поэту, стремление сохранить, сберечь, запомнить каждое его слово.

Чуковский, человек иронический, насмешливый, острый, едкий — даже в записях, сделанных для себя одного, на страницах своего личного Дневника сразу меняет тон, чуть заговаривает о Блоке. Вот он описывает наружность Блока: «Я смотрел, его лицо и потное было величественно: Гете и Данте», или: «Он был прекрасен, словно гравюра какого-то германского поэта», и в другом месте: «измученное прекрасное лицо Блока». Вот — звук его речи: «Он читал упитительно: густым, страдающим, певучим, медленным голосом». А вот Чуковский слушает рецензии Блока: «Рецензии глубокие, с большими перспективами, меткие, чудесно написанные. Как жаль, что Блок так редко пишет об искусстве»; вот обсуждается программа издания ста лучших русских книг: «Блок <...> составил программу идеальную: она и свежа, и будоражит, в ней нет пошлости — и научна». В самом тоне этих записей чувствуется, что их автор всегда на стороне Блока, всегда, говоря словами Пушкина, «заодно с гением».

Но Чуковский не только очевидец, не только сосед по заседанию, который придя домой записывает слова любимого поэта. Чуковский в это время работает над книгой о нем. Поэтому он задает Блоку множество вопросов о его стихотворениях, о том или ином их толковании: «Я задавал ему столько вопросов о его стихах, что он сказал: «Вы удивительно похожи на следователя в Ч. К.», но отвечал на вопросы с удовольствием. . . Ему очень понравилось, когда я сказал, что в своих гласных он не виноват» и т. д.

Время предоставило возможность сопоставить записи Чуковского с Дневником самого Блока, с воспоминаниями и дневниками других очевидцев. Сопоставление это показывает, что Чуковский неизменно точен в передаче фактов, слов, интонаций. Он, например, заносит в Дневник устный рассказ З. Н. Гиппиус о ее случайной встрече с Блоком в трамвае, а потом Гиппиус печатает собственные воспоминания об этой же встрече. Запись Чуковского точно передает рассказ Гиппиус. Подробно записывает Чуковский, что говорил Блок на одном из заседаний (26 марта 1919 г.) о кризисе гуманизма, что говорил об этом же Горький, с чем спорил Волинский. Блок тоже записывает в своем Дневнике, что говорилось в этот день. Обе записи, дополняя друг друга, во многих местах совпадают почти дословно. Так же дословно совпадает рассказ Блока о вечере у Браза, записанный в Дневнике Чуковского, и запись Блока об этом вечере в собственном Дневнике.

Чуковский описывает один из последних вечеров Блока в Москве, на котором был Маяковский. Он пишет: «Все наше действо казалось ему <Маяковскому> скукой и смертью». Сам Маяковский в своей статье 1921 г. об этом же вечере Блока вспоминает: «Я слушал его <...> в полупустом зале, молчавшем кладбищем. <...> дальше дороги не было. Дальше смерти».

Можно указать и множество других подобных дословных совпадений записей в Дневнике Чуковского со статьями, дневниками, воспоминаниями других участников тех же событий. Таков, например, записанный Чуковским рассказ Горького о том, что Толстому не нравилось выражение «стеженое одеяло». Этот рассказ впоследствии вошел в воспоминания Горького о Толстом. Записанные Чуковским слова Сологуба о Блоке повторены в воспоминаниях Э. Голербаха о Сологубе.

Несомненный интерес в Дневнике Чуковского представляют и его собственные суждения и оценки. В высокой степени ему было свойственно чувство истории, понимание, что он — участник и очевидец важных событий. Услышав 13 февраля 1921 г. речь Блока «О назначении поэта», Чуковский записывает: «Только что вернулся с Пушкинского празднества в Доме литераторов. Собрание историческое».

Страницы Дневника, посвященные смерти Блока, исполнены пронзительной болью: «... всю эту непередаваемую словами атмосферу Блока я вспомнил — и мне стало страшно, что этого нет. В могиле его голос, его почерк, его изумительная чистоплотность, его *цветущие* волосы, его знание латыни, немецкого языка, его маленькие изящные уши, его привычки, любви, «его декадентство», «его реализм», его морщины — все это под землей, в земле, земля».

Несколько записей сделаны в Дневнике уже после смерти Блока и дают новые штрихи для понимания отношения к поэту таких его современников, как Ахматова, Гумилев, Сологуб, Маяковский, Ольга Форш, Замятин.

Необходимо указать также на ту связь, которая существует между Дневником Чуковского, написанным для себя одного, и тем, что он писал и печатал о Блоке для читающей публики. Теперь, когда явилась возможность ознакомиться со страницами его Днев-

ника, стало очевидным, что связь эта теснее, чем можно было предполагать. Удивительным образом в статье «Последние годы Блока», написанной осенью 1921 г. «по живому следу», не оказалось ни одного факта, ни одного эпизода, ни одной реплики Блока, которые не были бы в свое время записаны в Дневнике. В этой статье Чуковский рассказывает читателю не о том, что сохранилось в его памяти, но о том, что сохранилось в его архиве. Это обстоятельство на первый взгляд может показаться неожиданным. Принято считать Чуковского «громогласным собеседником», помнившим десятки литературных историй, занимательным рассказчиком, обладателем неиссякаемой памяти. Такими утверждениями изобилуют воспоминания о нем²⁴. На самом деле — это только внешняя сторона его личности, так сказать, ее парадный фасад, отчасти даже маска.

Сам он любил называть себя «чернорабочим в литературе». И он не полагался ни на свои способности, ни на свою действительно великолепную память. Он знал цену литературному факту, историческому свидетельству и, восстанавливая в памяти дорогие для него черты облика Александра Блока, не позволял себе «сочинять воспоминания».

Этим Чуковский вновь подтвердил высокое уважение к своему великому современнику.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ «Ежемес. лит. и попул. научн. прил. к журн. «Нива», 1907, № 3, стб. 391—420.
- ² «Свободные мысли», 1907, 5 (18) ноября.
- ³ «Речь», 1908, 20 декабря (2 января) 1909 г.
- ⁴ ЛН, т. 89, с. 214.
- ⁵ К. Чуковский. Письмо к Д. Е. Максиму <1963?>, архив Д. Е. Максимова.
- Цит. по машинописной копии.
- ⁶ Корней Чуковский. Современники. М., «Мол. гвардия», 1967, с. 258.
- ⁷ См. «Протокол № 3 заседания Комиссии по изданию русских классиков при Комисариате по народному просвещению 31-го января 1918 г.», с. 7:
- «... А. В. Луначарский обращается к А. А. Блоку с предложением взять на себя редактирование Некрасова.
- А. А. Блок, ссылаясь на то, что он «не так знает, любит, понимает Некрасова, чтобы браться за его редактирование, указывает на Чуковского и Максимова (Евгеньева), как на наиболее соответствующих этому» (ГБЛ, ф. 620).
- ⁸ «Стихотворения Н. А. Некрасова. Издание исправленное и дополненное под редакцией К. И. Чуковского. С биографическим очерком В. Е. Евгеньева-Максимова». Пб., 1920.
- ⁹ «М. Горький — организатор издательства «Всемирная литература» — «Ист. архив», 1958, № 2, с. 67.
- ¹⁰ К. Чуковский. Современники, с. 288.
- ¹¹ ЗК, с. 446, 451, 452, 455—457, 459, 460, 463, 465, 468, 473, 474, 477, 479, 482, 486, 491, 498, 502, 503.
- ¹² К. Чуковский. Книга об Александре Блоке. Берлин, «Эпоха», 1922. Предисловие.
- ¹³ Там же, с. 129.
- ¹⁴ Письмо М. М. Шкапской к Чуковскому 26.I.22 г. ГБЛ, ф. 620.
- ¹⁵ «Чукоккала». М., «Искусство», 1979, с. 294.
- ¹⁶ К. Чуковский. Александр Блок как человек и поэт. Пг., изд-во А. Ф. Маркса, 1924.
- ¹⁷ «Чукоккала», с. 199, 204—227, 247—250, 284, 286, 294—300.
- ¹⁸ См. также: К. Чуковский. А. Блок в «Чукоккале». — В кн.: «Блоковский сборник», 2, с. 424.
- ¹⁹ ГБЛ, ф. 620.
- ²⁰ Открытка от 20 октября 1907 г., см.: К. Чуковский. Современники, с. 258. Письмо от 26 мая 1921 г. впервые опубликовано в книге «Александр Блок как человек и поэт», с. 144; см. также VIII, 537.
- ²¹ ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 454, л. 1—15.
- ²² Дневник Чуковского охватывает почти 70 лет XX в. и насчитывает около 100 печатных листов. Уже на протяжении десяти лет, совместно с секретарем Чуковского К. И. Лозовской, мы готовим Дневник к изданию. За эти годы он перепечатан, сверен с оригиналом, снабжен подробными указателями. Один только аннотированный указатель лиц, упомянутых в Дневнике, занимает 300 машинописных страниц. Эта предварительная работа, уже близкая к завершению, очень помогла при составлении примечаний и при выборе записей, касающихся Блока. Дневник, так же как «Чукоккала», находится в моем личном архиве.
- ²³ «Чукоккала», с. 372.
- ²⁴ «Воспоминания о Корнее Чуковском». Сост. К. И. Лозовская, З. С. Паперный, Е. Ц. Чуковская. М., «Сов. писатель», 1977.

ПИСЬМА БЛОКА К ЧУКОВСКОМУ

1

«17 марта 1907 г.»

Многоуважаемый Корней Иванович.

Обращаюсь к Вам с просьбой: нельзя ли опровергнуть в «Понедельниках» известие о том, что Веригина¹, актриса театра Коммиссаржевской, служит у Ходотова²? Веригина прислала мне письмо с такой просьбой и приложила еще вот это, которое посылаю Вам; целиком его печатать нет надобности, да и она не имела в виду, а хорошо бы поместить коротенькое опровержение, хотя бы в «Календаре писателя».

Искренно Ваш Александр Б л о к

17 марта 1907 Пет. Ст. Лахтинская, 3, кв. 44

¹ Валентина Петровна *Веригина* (1882—1974), актриса. Драматический театр В. Ф. Коммиссаржевской в первый же свой сезон поставил пьесу Блока «Балаганчик». Зимой 1906—1907 гг. Блок постоянно бывал на спектаклях в театре Коммиссаржевской, выступал там на «литературных субботниках» с чтением своих стихов. К этому времени относится его увлечение Н. Н. Волоховой, которая, как и Веригина, играла в «Балаганчике». И Волохова, и Веригина написали воспоминания об этом периоде жизни Блока (см. «Уч. зап. Тартуского гос. ун-та, вып. 104, 1961, с. 106, а также: В. П. В е р и г и н а. Воспоминания. М., «Искусство», 1974).

В марте 1907 г. первый театральный сезон в театре Коммиссаржевской закончился, и Веригина, погостив недолго в Куоккале у Мейерхольдов, уехала в Москву. Оттуда она писала Блоку: «Спросите Бога ради Чулкова, дал ли он записку в Товарищ, что я у Ходотова не служу. <...> Ходотов, очевидно, не получил моего письма с окончательным отказом, потому что мне передавали, что он ждет меня на репетицию, и это он, вероятно, дает известия о том, что я служу у него. Везде печатают меня и это мне страшно неприятно».

Между тем, я теперь даже не понимаю, как я могла намереваться служить у них!

Если Чулков не сделал, о чем я его просила, будьте добры, пошлите это письмо в какую-нибудь газету, где есть театральный отдел. <...>.

Мне пришлось сейчас в голову, что письмо к Чулкову, как и к Ходотову, не дошло. Письма в маленьких конвертах не доходят сплошь и рядом. Попросите его тогда напечатать опровержение» (ЦГАЛИ; ф. 55, оп. 1, ед. хр. 190).

Очевидно, Чулков не сдержал своего обещания. Исполняя просьбу Веригиной в этом случае послать ее опровержение в какую-нибудь газету, Блок и написал Чуковскому. Чуковский в те годы сотрудничал во множестве петербургских изданий.

² Николай Николаевич *Ходотов* (1878—1932) — в то время артист императорских театров в Александринском театре.

2

«20 октября 1907 г.»

Многоуважаемый Корней Иванович.

Я почти до 6-ти Вас ждал, но к 6-ти должен был непременно уехать. Если зайдете около 4 час. дня, почти всегда буду дома. Могу Вам дать неск<олько> отзывов о себе и неск<олько> томов Соловьева — не надолго. В Выборг сейчас никак не могу¹ — завален делом — перевожу мистерию для Стар<инного> театра².

Ваш Ал. Б л о к

20.X.07

¹ В это время Чуковский писал статью о Блоке (см. «Об Александре Блоке». — «Свободные мысли», 1907, 5 (18) ноября). В письме от 17.10.07 он просил Блока прислать ему «Стихи о Прекрасной Даме» и «Снежную Маску». Ответа Блока не сохранилось, но, по-видимому, он обещал Чуковскому книги. Зайдя за ними, Чуковский не застал Блока и оставил записку, которая кончалась словами: «В Финляндии много эмигрантов — голодают. В Выборге устраивается вечер. Я уполномочен Вас пригласить в участвующие. Будет в числе других Репин. Это к началу ноября. Проезд и гостиница на счет устроителей. Умоляю согласиться. Финны — Ваши почитатели».

² Старинный театр был организован в 1907 г. Н. В. Дризенем и начал свои представления 7 декабря 1907 г. пьесой Рютбефа «Действо о Теофиле» в переводе Блока (IV, 267).

БЛОК И К. И. ЧУКОВСКИЙ

Фотография М. С. Напельбаума, 1921 г., Петроград

Собрание С. М. Алянского, Москва

В тот же день, что и Чуковскому, 20 октября 1907 г., Блок писал Брюсову: «... к 1-му «ноября» должен перевести для старинного театра целый миракль XIV века в 600 стихов («Miracle de Theophile»)» (VIII, 216).

3

«12 мая 1911 г.»

Многоуважаемый Корней Иванович. В моем реферате (1908 г.) только одна фраза касается Некрасова; а именно: Любовь Горького к России — «конкретная любовь — не к международному, но к национальному, не к пролетарскому стягу, но к родным лохмотьям, к тому, чего «не поймет и не заметит гордый взор иноплеменный». Любовь, которую знали Лермонтов, Тютчев, Хомяков, Некрасов, Успенский, Полонский, Чехов»¹. — Жму Вашу руку.

Ал. Блок

12.V.1911.

¹ Письмо Чуковского, на которое отвечает Блок, не сохранилось. Фраза о Некрасове — из статьи «Народ и интеллигенция» (V, 321).

«Не поймет и не заметит гордый взор иноплеменный» — цитата из стихотворения Ф. И. Тютчева «Эти бедные селенья. . .».

<Около 16 мая 1919 г.>¹

Корней Иванович, нельзя ли получить от Вас сведения о «Материнском Благословении» (или «Бедность и честь») Дюмануара и Деннери в перев. Н. А. Перепельского? 1) Где рукопись? 2) Было ли напечатано, хотя бы в отрывках? 3) Где были напечатаны куплеты? 4) Есть ли это действительно перевод, или переделка, или сокращено? 5) Где справиться?²

¹ Письмо Блока датируется на основании ответных писем Чуковского (пометы Блока о датах получения этих писем).

² Выступая 19 мая 1919 г. перед актерами Большого драматического театра, Блок сказал, что на ближайший сезон намечено семь новых постановок, в том числе «Материнское благословение». «Происхождение «Материнского благословения» связано с эпохой Великой французской революции, а сама мелодрама, в вольном переводе Некрасова, напомнит нам лучшие времена русского театра — сороковые годы...» (VI, 354). Пьесу написали французские драматурги Филипп Франсуа Дюмануар (1806—1865) и Адольф Филипп Деннери (1811—1899). Н. А. Перепельский — псевдоним Н. А. Некрасова, которым он подписывал свою прозу и водевили. Премьера пьесы «Материнское благословение» (или «Бедность и честь») состоялась в Александринском театре 19 октября 1842 г. (см.: В. Е. Евгеньев-Максимов. Некрасов и театр. Л.—М., «Искусство», 1948).

Готовясь к своему выступлению, Блок обратился к Чуковскому как к знатоку Некрасова. Чуковский ответил двумя письмами (письма не датированы, но есть пометы Блока, «16 V 1919» и «Получ. 17.V.1919»): «Материнское Благословение Перепельского у меня в Куоккале есть в литографированном виде. Другой экземпляр имеется у Евгеньева-Максимова. Я позволю ему сегодня же. Это перевод — по старинным обычаям, — т. е. вольное переложение. В афишах не было указано, что это перевод, и рецензенты писали об этой вещи как об оригинальной». И второе письмо: «Дорогой Александр Александрович, «Материнское благословение» никогда напечатано не было. Рукопись этой пьесы имеется в Библиотеке Императорских Театров (1842 г.). Перепельскому принадлежат лишь куплеты, остальное — вольный перевод. Куплеты такие:

Как соловей	Бегу гулять
Поет на воле,	Так шибко, шибко,
В тени ветвей	Глаза глядят
И в чистом поле...	На все с улыбкой.
Едва встаю	А грудь моя
Чуть день начнется —	Так сладко бьется
Так я пою,	И рада я,
Пока поется.	Что мне поется.

В четвертом действии есть песня, в которой предчувствуется будущий некрасовский дактиль:

В хижину бедную, богом хранимую,	Сколько, я думаю, к горю привычная,
Скоро ль опять возвращусь?	Мать моя слез пролила!..
Скоро ли мать расцелую любимую	Если б отсюда она горемычная
С добрым отцом обнимусь!	Речь мою слышать могла,
Бледная, страшная, в грезах является	Я б закричала ей: пусть не пугается,
Мать моя часто ко мне	Жизнь для меня не страшна;
И горячо я с мечтой обнималася	Матушка! дочь твоя с горем не знается,
Будто с родимой во сне!	Замуж выходит она!

Остальное — труха.

Вот и все. Ваш Ч у к о в с к и й»

18.XII.1919

Дорогой Корней Иванович.

Боюсь, что у меня возобновится жар, который только что прошел, и будет до бесконечности возобновляться инфлюэнца, если я еще не высижу. Поэтому, завтра не приду и в субботу — едва ли; Вы знаете, что теперь заболеть несколько раз подряд нельзя. С Каплуном познакомиться впоследствии, конечно, очень не прочь¹.

Сейчас я высиживаю Гейне² (Вы еще не получали от меня заказа через Евдокию Петровну³) и еще один возможный паек. К Гржебину пойду получить, как только поправлюсь. Иванова-Разумника не видал очень давно, так что не знаю, получил ли он⁴. У него скончался отец.

ОТКРЫТИЕ

28

Дома Искусства

19 ноября

Протокол Заседания, происшедшего в пятый
Петербургский Буржуазный Театр¹

Присутствовали: М. И. Бондицкий, А. К. Ткачев,
М. В. Добудинский, Н. П. Ливанов, Н. В. Куко, В. И.
Колосов, Завьялов, К. М. Туховский, А. В. Бланк, А. Д.
Левинсон, Г. В. Ветчинин, А. С. Кайгородов, Т. В. Азариш,
Н. С. Тухомин, С. Тухомин, А. В. Н. Кукла, С. С. Миде
Бур, Е. И. Завьялов, В. И. Добудинский, Колосов

1. Избрание Председателя В. И. Колосова — Завьялов.
2. А. К. Ткачев читает и объясняет содержание. Выход
Кукла. — Стихотворение А. С. Кайгородова, в котором
содержатся сведения о театре и о том, что искусство
летит быстрее, чем время, и что искусство — это
искусство.
3. Присутствующие читают стихи и рассказывают
каждый по своему. Н. С. Тухомин читает, Завьялов
рассказывает. Ветчинин читает стих, Колосов читает
стихотворение, Тухомин читает.

«ОТКРЫТИЕ ДОМА ИСКУССТВ»

Шуточный протокол, написанный Блоком 19 ноября 1919 г.

Автограф, листы «Чукоккалы»

Собрание К. И. Чуковского, Москва

Между нами говоря, Сазонов⁵ поступил бестактно, вынося свои сведения и подозрения на общее собрание. Следовало вовсе не поднимать вопроса о Вольской > Философской > Ассоциации, если уж так⁶. Не знаю, как теперь быть мне лично; с Сюннербергом я говорил, но и он — отвлеченный человек⁷.

До возвращения Горького с Гржебиным я и Лермонтова решил приостановить⁸.

Мы переписываемся, как в деревне. Телефон мой так и не действует. До свидания, надеюсь, что во вторник — наверное⁹, а может быть, и раньше.

Ваш Ал. Блок

P. S. Если пойдет речь, скажите З. Н., что я не думаю, чтобы она сделала верные выводы из моих этих стихов¹⁰, что я ее люблю и что по-прежнему, а иногда и больше прежнего, и очень хочу «редактировать» (у Гржебина), если она позволит¹¹.

¹ В письме Блоку от 18 декабря 1919 г. Чуковский писал: «Дорогой Александр Александрович. Знаете ли Вы Каплуна? Кажется, нет. Это очень молодой и приятный савонник — не суетится, не кричит, не кокетничает. Он стоит во главе Управления Петроградского Совета (Дворцовая площадь, 6) и, по непонятной причине, покровительствует Мережковскому, Сологубу и другим именитым писателям. Я познакомился с ним на прошлой неделе. Думаю, что это знакомство чревато пайками. Каплун, по моему совету, устраивает в эту субботу, т. е. послезавтра, Литературный Вечер <...>. Ваше участие неизбежно.

4. Слово А. Э. Каплуна. 1. Не хотел быть дружелюбным
содержательным; 2. Хотел только уметь быть
холодным и интеллигентным.
 5. А. Н. Толстой о литературе, о дружбе и о смерти.
 6. К. П. Анненков о литературе.
 7. Т. В. Гусев о литературе и о А. Н. Толстом.
 8. А. Э. Каплун о литературе и о Толстом.
 9. К. М. Чуковский о литературе, о смерти.
 10. А. Э. Каплун о литературе и о смерти.
 11. К. М. Чуковский о литературе и о смерти.
 12. С. В. Вейдлер о литературе, К. М. Чуковский о смерти.
 13. А. Н. Толстой о литературе и о смерти, о смерти,
о смерти и о смерти, о смерти и о смерти.
 14. А. В. Вейдлер о литературе.
 15. Е. В. Вейдлер о литературе.
 16. Вейдлер о литературе.
 17. Вейдлер о литературе, о смерти, о смерти, о смерти,
о смерти и о смерти.
 18. Вейдлер о литературе, о смерти, о смерти, о смерти,
о смерти и о смерти.
 19. Вейдлер о литературе, о смерти, о смерти, о смерти,
о смерти и о смерти.
 20. Вейдлер о литературе.
- Эти статьи свободны. Обозначить смерть
предмет и А. В. Вейдлер.
- А. Блок

«ОТКРЫТИЕ ДОМА ИСКУССТВ»

Шуточный протокол, написанный Блоком 19 ноября 1919 г.

Автограф, листы «Чукоккалы»

Собрание К. И. Чуковского, Москва

Каплун готов послать за Вами «машину». Начало вечера в 7 часов. Телефон Каплуна 19-01. Умоляю Вас покориться, ибо повторяю, возможен паек.

Надеюсь, также, что Вы не погубите Дома Искусств и явитесь завтра к 7 часам вместе с Любовью Дмитриевной на Мойку 59.

Получили ли Вы 10.000 у Гржебина. Я получил. Выдан ли какой нб. гонорар Ив.-Разумнику? <...>

Черкните, пожалуйста, можно ли надеяться на Ваше участие в двух вышеупомянутых литературных вечерах? Ваш Чуковский.

Блок в это время редактировал шестой том собрания сочинений Гейне («Путевые картины»).

³ Евдокия Петровна Струкова — секретарь издательства «Всемирная литература». Блок попросил Чуковского написать для шестого тома Гейне заметку о Гейне в Англии. Судьба этого «заказа» описана в шуточной пьесе Блока («Чукоккала», с. 205—210). Факсимиле первых страниц пьесы см. с. 342.

⁴ Зиновий Исаевич Гржебин (1869—1929) — художник, издатель. Одно время З. И. Гржебин заведовал издательской частью «Всемирной литературы», потом основал свою фирму «Издательство З. И. Гржебина», которым руководил Горький. Иванов-Разумник (1878—1946) — псевдоним Разумника Васильевича Иванова, литературовед, автор многих статей о Блоке. О нем см. наст. кн., с. 458—506.

⁵ Петр Владимирович Сазонов заведовал хозяйством в «Доме Искусств» и в Глав-архиве.

⁶ Вольная философская ассоциация (Вольфила) открылась за месяц до этого письма (16 ноября 1919 г.) докладом Блока «Крушение гуманизма». Блок — один из членов-учредителей Вольфила и ее председатель (см.: Н. И. Гаген-Торн. Воспоминания об Александре Блоке. В кн.: «Блоковский сб.», 2). По-видимому, речь идет о хозяйственных делах, так как именно они находились тогда в ведении Сазонова.

⁷ Константин Александрович Сюннерберг (Эрберг) (1871—1942) — искусствовед, поэт, давний знакомый Блока. Сюннерберг примыкал к организационному ядру «Вольной философской ассоциации».

⁸ Горький предложил Блоку проредактировать для «Издательства З. И. Гржебина» стихотворения Лермонтова (ЗК, 479). Об этой работе Блока см. ниже в Дневнике Чуковского.

⁹ По вторникам происходили заседания коллегии «Всемирной литературы» и Секции исторических картин.

¹⁰ Стихи, которые имеет в виду Блок — поэма «Двенадцать».

¹¹ Предполагалось издать серию книг «Русская литература XX века». Были намечены к изданию книги А. Блока, З. Гиппиус, А. Грина, Н. Гумилева, Е. Замятина, Д. Мережковского, В. Муйжеля, А. Чапыгина, К. Чуковского, В. Шпшкова (см. «Записку издательства «Всемирная литература» в Народный Комиссариат просвещения о деятельности издательства» от 16 июня 1919 г. — «Ист. архив», 1958, № 2, с. 78). Об отношениях Блока и З. Н. Гиппиус в 1918—1919 гг. см. Дневник Чуковского, прим. 4.

6

7.II.1920

Дорогой Корней Иванович,

спасибо, что зовете, думаю, что приду. Скажу Вам, что прочту, при свидании ¹. Я сбился совсем с ног с болезнью матери, и к Горькому, по-видимому, завтра не попаду ². Очень радуюсь, что Л. Любость > Д. Дмитриевна читала хорошо, сама она была собой недовольна.

Ваш Ал. Блок

Увы, продовольствия «Горохр» не шлет!³

¹ Блок отвечает на письмо Чуковского, полученное 7 февраля 1920 г.: «Дорогой Александр Александрович. Вы знаете, что по четвергам в «Доме Искусства» бывают вечеринки. Студисты страстно желают видеть Вас у себя. Не пожалуете ли Вы к 8 1/4 час. в «Дом Искусства»? Гонорар 1500 р. и посильное угощение (весьма скудное). Было бы очень хорошо, если бы Вы прочитали, напр., «Возмездие» или «Египет», — или — что хотите.

В воскресенье у Горького — в три!

Ваш Чуковский

Чтение Любость Дмитриевны произвело большое (трагическое) впечатление. <...>

Чуковский руководил Литературной студией при «Доме Искусств». На семинарах студисты писали рефераты о Блоке. Некоторые такие работы сохранились в архиве Чуковского (А. Рашковская. «Театр Блока»; Надежда Павлович. «Блок и мещанство», ГБД, ф. 620). Тогдашний студиец М. Зоценко в статье «Конец рыцаря печального образа» писал: «... новое слово в литературе сказали не пролеткультовцы, столь много кричавшие о пролетарской поэзии и пролетарском искусстве, а автор стихов о Прекрасной Даме, одним из первых услышавший «музыку революции». Ал. Блок написал поэму «Двенадцать» о новом Петербурге после Октября 17 года. И в этой героической поэме казалось все новым от идеи до слов» (личный архив В. В. Зоценко. Цит. по ст.: А. Д. Зайдаман. Литературные студии. — «Русская литература», 1973, № 1, с. 145). Кроме семинаров, Чуковский часто устраивал для студистов лекции и литературные вечера. На один из таких вечеров он и приглашает Блока.

² 8 февраля на квартире у Горького было собрание «по Гржебинскому изданию классиков. На собрании были Замятин, Гржебин, Горький, Лернер, Гумилев и я» (Дневник Чуковского).

³ Л. Д. Блок читала «Двенадцать» на открытии Клуба городской охраны (Горохр) в зале Павловой 5 февраля 1920 г.

7

26.V.21

Дорогой Корней Иванович.

На Ваше необыкновенно милое и доброе письмо я хотел ответить, как следует ¹. Но сейчас у меня ни души, ни тела нет, я болен, как не был никогда еще: жар не прекращается и все всегда болит. Я думал о русской санатории около Москвы ², но, кажется, выздороветь можно только в настоящей, то же думает и доктор ³. Итак, «здравствуем и по сейчас» ⁴ сказать уже нельзя: слопала-таки поганая, гнившая, родимая матушка Россия, как чушка — своего поросенка.

В Вас еще очень много сил, но есть и в голосе, и в манере, и в отношении к внешнему миру, и даже в последнем письме — надорванная струна.

«Объективно» говоря, может быть еще поправимся.

Ваш Ал. Блок

245

Чуковский.

Ах, милая, доверься Розе
Источила коммюна!

Впр, безумный, это — не проза,
Свине Таня! как пахнет!

Без нее мучь и Роза.

Простите да что-то вышло.

Вели прозой стала Роза.

Совсем же еще робела,

Проставил угроза —

Чел пестиком стел дорож,

Дави (видимые порога?)

Проставил пролетный полз,

Воза, воза, подвиза —

На на роз, на на восток,

На свалу всякая каваз

Проставил дорож, —

Эт не дами Соборная

Богот аскал убож? —

Во зное мрт, от, там пусто,
Тли ача ел, кажда,

И, кажда, зова капуса,

Евдеево в чн клада,

Не взна, это га не чуча —

будуа эмне варада,

не рози, кава в прокута

Простави — поа след

(«Кисе чубе не бие в каку см!»)

Сказана бриве, поада,

И, кава прена Локута,

Ка кой в абама уада.

Косе убож не рози,

Резвпрожа — как раз,

Но косиуа капож

И капуса — акака,

Как се прена некама,

Ом се кел не сдана зва,

А даксие поама

И за по похвалю наиз, 244
Что не дружишь, не лаян,
Здравствено а поама

(Да-с)

Иб стихи моя не убож?

Или похвалю поама

Романтика Ледер,

Здравствено в поама?

А. Б.

Ты мне 28 густа
1919

Is in my Via Dolorosa

7. understood us word but that.

Риски Душ.

Dec. 18, 1919.

СТИХОТВОРЕНИЕ БЛОКА «ЧУКОВСКОМУ», 1919 г.

Автограф, листы «Чуковналы»

Собрание К. И. Чуковского, Москва

¹ В мае 1921 г. в Москве было организовано несколько выступлений Блока. Чуковский говорил вступительное слово. Подробнее о поездке Блока и Чуковского в Москву см. Дневник Чуковского 1—8 мая 1921 г.

После возвращения из Москвы Блок сразу заболел и слег. 24 мая Чуковский обратился к нему с письмом, которое начиналось так: «Дорогой Александр Александрович. Мне казалось, что Вам хочется немного: от меня отдохнуть, что в Вашей жизни вдруг стало «слишком много меня» и что мне вообще лучше на время не быть. Не знаю, прошел ли срок, но дольше не могу: хочется узнать, как Вы, как Ваша нога, лежите ли, отдыхаете ли, вспрыскиваете ли мышьяк, что говорит доктор, пишете ли, — и прошло ли у Вас то новое чувство ко мне, которое возникло в Московские дни. Боюсь, что не прошло, и по заслугам! Таких нелепостей и неудач не прощают. Я как бы держал перед Вами экзамен, и провалился — по *всем* предметам.

Ни о каких переэкзаменовках я не мечтаю, но хочу, чтобы Вы знали, что эти мои неудачи — впервые. До сих пор во всех *этих* делах я был счастлив, и всегда всем своим поступкам приносил удачу. У меня была легкая рука. . . » Дальше Чуковский пишет, что недоволен собой, своими лекциями, огорчен тем, что вечера Блока были плохо организованы и не принесли тех материальных результатов, которые ожидались.

Поездка оказалась мучительно трудна для Блока из-за резкого ухудшения здоровья. ² Хлопоты «о русской санатории» велись Правлением Союза писателей, как это видно из последнего письма Чуковского Блоку (ок. 10—15 июня): «Дорогой Александр Александрович. Хотя я и не сомневался в Вашем ответе, но, по долгу службы, обязан задать Вам вопрос:

— Не желаете ли Вы лечиться на ст. Левашово, в советской санатории для самых ответственных советских работников?

Эта санатория к Вашим услугам, о чем оповестил нас Волковський на последнем заседании Правления Союза Писателей. < . . . »

Знаю, что письма Вам в тягость. Поэтому — не отвечайте письмом. Пусть мне позволят по телефону (243—58) и скажут о Вашем решении. . . »

Никаких сведений относительно ответа Блока на это письмо в архиве Чуковского нет. ³ Через четыре дня, 29 мая М. Горький писал А. В. Луначарскому: «Анатолий Васильевич! У Александра Александровича Блока — цинга, кроме того, за последние дни он в таком нервном состоянии, что его близкие, а также и врачи опасаются возникновения серьезной психической болезни. И участились припадки астмы, которой он страдает давно уже.

Не можете ли Вы выхлопотать — в спешном порядке — для Блока выезд в Финляндию, где я мог бы помочь ему устроиться в одной из лучших санаторий?

Сделайте возможное, очень прошу Вас!»

11 июля Луначарский обратился с письмом в ЦК РКП(б) и к В. И. Ленину. 23 июля Блоку было разрешено ехать лечиться. Однако за это время его состояние резко ухудшилось. 29 июля Горький телеграфировал: «Срочно. Москва. Кремль. Луначарскому.

У Александра Блока острый эндокардит. Положение крайне опасно. Необходимо спешный выезд Финляндию. Решительно необходим провожатый. Прошу Вас хлопотать о разрешении выезда жены Блока. Спешите, иначе погибнет».

1 августа Луначарский снова обратился в ЦК и затем ответил Горькому телеграммой: «К выезду жены Блока стороны высшего органа возражения не встречаются» (См. ЛН, т. 80, с. 292—294, а также «Архив М. Горького», т. XIV. Неизданная переписка. М., «Наука», 1976, с. 99).

7 августа Блок скончался.

⁴ Строчка из стихотворного послания Блока «Чуковскому».

ИЗ ДНЕВНИКА К. И. ЧУКОВСКОГО

[1907 год]

25 октября. . . . К отцу Петрову ¹. Не застал < . . . » От Петрова к Блоку: он в белом шиллеровском воротнике, порядок в квартире образцовейший. Я ²ему, видимо, не нравлюсь, но он дружелюбен. О Владимире Соловьеве. Пильском, Полонском, Андрееве.

1914 год

28 июня. . . . Потом мы в театр, где Гибшман — о папе и султане, футбол в публике и частушка, спетая хором, с припевом:

Я лимон рвала,
Лимонад пила,
В лимонадке я жила.

Певцы загримированы фабричными, очень хорошо. Жена Блока, дочь Менделеева, не пела, а кричала, по-бабьи, выходило очень хорошо, до ужаса.

Вообще было что-то из Достоевского в этой ужасной лимонадке, похоже на мухоедство, — и какой лимон рвать она могла в России, где лимоны? Но неукоснительно, безжалостно, с голосом отчаяния и покорности Року эти бледные мастеровые и девки фабричные выкрикивали: Я лимон рвала³.

1918 год

Воскресение. 27 октября. Был у Эйхвальд — покупать английские книги. Живут на Сергиевской, в богатой квартире — вдова и дочь знаменитого хирурга или вообще врача — но бедность непокрытая. Даже картошки нету. Таковы, кажется, все обитатели Кирочной, Шпалерной, Сергиевской и всего этого района.

Оттуда к Мережковским.

Зинаида Николаевна раскрашенная, в парике, оглохшая от болезни, но милая. Сидит за самоваром — и в течение года ругает с утра до ночи большевиков, ничего, кроме самовара, не видя и не слыша. <...> Рассказывала о встрече с Блоком: «Я встретила с ним в трамвае: он вялый, сконфуженный.

— Вы подадите мне руку, Зинаида Николаевна?»

— Как знакомому подам, но как Блоку нет.

Весь трамвай слышал. Думали, уж не возлюбленный ли он мой!»⁴

1919 год

5 марта 1919. Вчера у меня было небывалое собрание знаменитых писателей: М. Горький, А. Куприн, Д. С. Мережковский, В. Муйжель, А. Блок, Слезкин, Гумилев и Эйзен⁵. Это нужно описать подробно. У меня болит нога. Поэтому решено устроить заседание у меня — заседание Деятелей Художественного Слова. <...> Интересна была встреча Блока с Мережковским. Мережковские объявили Блоку бойкот, у них всю зиму только и было разговоров, что «долгой Блока», он звонил мне: как же я встречу с Блоком! — и вот встретились и оказались даже рядом. Блок молчалив, медлителен, а Мережковский... С утра он тормозил меня по телефону:

— Корней Иванович, вы не знаете, что делать, если у тельца собачий хвост? — А что? — Купили мы телятину, а кухарка говорит, что это собачина. Мы отказались, а Гржебин⁶ купил. И т. д.

Он ведет себя демонстративно-обывательски. Уходя, взволновался, что у него украли калоши, и даже присел от волнения. — Что будет? Что будет? У меня 20 000 рублей ушло в этом месяце, а у вас? Ах, ах...

<...> Гумилев с Блоком <...> ведают у нас стихи⁷. Блок Гумилеву любви, Гумилев Блоку: Вкусы у нас одинаковые, но темпераменты разные.

12 марта. Вчера во Всемирной Литературе заседание. Впервые присутствовал Блок, не произнесший ни единого слова.

14 марта... Вчера во Всемирной литературе (Невск. 64) было заседание нашего Союза⁸. Собрались: Мережковский, Блок, Куприн, Гумилев и др. <...> Блок прочел свои три рецензии о поэзии Цензора, Георгия Ива-

Вручено
Корней Ивановичу Чуковскому
АЛЕКСАНДР БЛОК
Сентябрь 1920.
ЗА ГРАНЬЮ ПРОШЛЫХ
ДНЕЙ
СТИХОТВОРЕНИЯ

Издательство А. Н. Гржебина
ПЕТЕРБУРГ
1920

БЛОК. «ЗА ГРАНЬЮ ПРОШЛЫХ ДНЕЙ».
П., ИЗД. А. Н. ГРЖЕБИНА, 1920

С дарственной надписью К. И. Чуковскому
от сентября 1920 г.

Собрание К. И. Чуковского, Москва

нова и Долинова⁹. Рецензии глубокие, с большими перспективами, меткие, чудесно написанные. Как жаль, что Блок так редко пишет об искусстве.

26 марта 1919 г. Вчера на заседании «Всемирной Литературы» Блок читал о переводах Гейне¹⁰, которого он редактирует. Он был прекрасен — словно гравюра какого-то германского поэта. Лицо спокойно-мудрое. Читал о том, что Гейне был антигуманист, что теперь, когда гуманистическая цивилизация XIX века кончилась, когда колокол антигуманизма слышен звучнее всего, Гейне будет понят по-новому. Читал о том, что либерализм пытался сделать Гейне своим и Аполлон Григорьев, замученный либерализмом и т. д.

Горький очень волновался, барабанил своими большими пальцами по нашему черному столу, курил, недокуривал одну папиросу, брал другую, ставил окурки в виде колонн стоймя на столе, отрывал от бумаги ленту — и быстро делал из нее петушков (обычное его занятие во время волнения: в день он изготавливает не меньше десятка таких петушков), и чуть Блок кончил, сказал:

— Я человек бытовой — и конечно мы с вами (с Блоком) люди разные — и вы удивитесь тому, что я скажу — но мне тоже кажется, что гуманизм — именно гуманизм (в христианском смысле) должен полететь ко всем чертям. Я чувствую, я . . . недавно был на съезде деревенской бедноты — < . . . > деревня и город должны непременно столкнуться, деревня питает животную ненависть к городу, мы будем, как на острове, люди науки будут осажены, здесь даже не борьба — дело глубже. . . здесь как бы две расы. . . гуманистическим идеям надо заостриться до последней крайности — гуманистам надо стать мучениками, стать хриstopодобными — и это будет, будет. . . Я чувствую в словах Ал<ександра> Ал<ександровича> (Блока) много пророческого. . . Нужно только слово гуманизм заменить словом: нигилизм. < . . . >

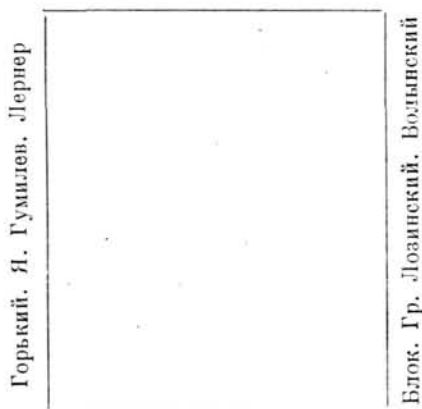
Странно, что Горький не почувствовал, что Блок *против гуманизма*¹¹ < . . . >

Волынский на заседании, как Степан Троф<имович> Верховенский, защищал принсишы и Венеру Милосскую. . . Говорил молниеносно. < . . . >

— Это близорукость, а не пророчество! — кричал он Горькому. — Гуманизм есть явление космическое и иссякнуть не может. Есть вечный запас неизрасходованных гуманистических идей. . .¹²

Вот схема нашего заседания:

Левинсон. Тихонов.

Батюшков. Браун¹³

Май. . . Теперь всюду у ворот введены дежурства. Особенно часто дежурит Блок. Он рассказывает, что вчера, когда отправлялся на дежурство, какой-то господин произнес ему вслед:

И каждый вечер в час назначенный
Иль это только снится мне. . .

(Незнакомка)

5 июля. Вчера в Институте Зубова ¹⁴ Гумилев читал о Блоке лекцию — четвертую. Я уговорил Блока пойти. Блок думал, что будет бездна народу, за спинами к *«ото»*рого можно спрятаться, и пошел. Оказались девицы, сидящие полукругом. Нас угостили супом и хлебом. Гумилев читал о «Двенадцати» — вздор — девицы записывали. Блок слушал, как каменный. Было очень жарко. Я смотрел: его лицо и потное было величественно: Гете и Данте. Когда кончилось, он сказал очень значительно, с паузами: «Мне тоже не нравится конец «Двенадцати». Но он цельный, не приклеенный. Он с поэмой одно целое. Помню, когда я кончил, я задумался: почему же Христос? И тогда же записал у себя: «К сожалению, Христос. К сожалению, именно Христос»» ¹⁵.

Любопытно: когда мы ели суп, Блок взял мою ложку и стал есть. Я спросил: не противно? Он сказал: «Нисколько. До войны я был брезглив. После войны — ничего». В моем представлении это как-то слилось с «Двенадцатью». Не написал бы Двенадцати, если бы был брезглив.

4 сентября. . . . Третьего дня Блок рассказал, как он с кем-то в Алконосте запьянствовал, засиделся, и их чуть не заарестовали: почему сидите в чужой квартире после 12 час. Ваши паспорта? . . . Я должен вас задержать. . .

К счастью, председателем домового комитета оказался Азов ¹⁶. Он заявил арестовывающему: да ведь это известный поэт Ал *«ександр»* Блок. — И отпустили ¹⁷.

Блок аккуратен до болезненности. У него по карманам рассовано несколько записных книжечек, и он все, что ему нужно, аккуратненько записывает во все книжечки; он читает все декреты, те, которые хотя бы косвенно относятся к нему, вырезывает — сортирует, носит в пиджаке. Нельзя себе представить, чтобы возле него б *«ыл»* мусор, кавардак — на столе или на диване. Все линии отчетливы и чисты.

28 октября. . . . На заседании Всемирной литературы произошел смешной эпизод. Гумилев приготовил для народного издания Соути ¹⁸ — и вдруг Горький заявил, что оттуда надо изъять. . . все переводы Жуковского, к *«ото»*рые рядом с переводами Гумилева страшно теряют! Блок пришел в священный ужас, я визжал — я говорил, что мои дети читают Варвика и Гаттона с восторгом ¹⁹. Горький стоял на своем.

1 ноября. Сегодня Волынский выразил желание протестовать против горьковского выступления (насчет Жуковского).

Возле нашего переулкa — палая лошадь. Лежит вторую неделю. Кто-то вырезал у нее из крупа фунтов десять — надеюсь, на продажу, а не для себя. Вчера я был в Доме литераторов: у всех одежда мятая, обвислая, видно, что люди спят не раздеваясь, укрываясь пальто. Женщины — как жеваные. Будто кто их жевал — и выплюнул. Горький на днях очень хорошо показывал Блоку, как какой-то подмигивающий обыватель постукивал по дереву на Петербургской стороне, у трамвая. «Ночью он его срубит», — таинственно шептал Горький. Юрий Анненков — начал писать мой портрет ²⁰. Но как у него холодно! Он топит дверьми: снимает дверь, рубит на куски — и вместе с ручками в плиту!

9 ноября. . . . Блок как-то на днях обратился ко мне: не знаю ли я богатого и глупого человека, к *«ото»*рый купил бы у него библиотеку: «Мир искусства», «Весы» и т. д. Деньги очень нужны ²¹.

13 ноября. . . . Сегодня должно было состояться заседание по поводу продовольствия. Но — Горький забыл о нем и не пришел! Был Сазонов — проф. Алексеев, Батюшков, Гумилев, Блок, Лернер. . . ²² И Тихонов запоздал. Мы ждали 1 1/2 часа. Наконец, выяснилось, что Горький прямо проехал к Гржебину. Я поговорил по телефону с Горьким — и мы начали заседание без него. Потом — пошли к Гржебину. По дороге Сазонов спрашивал, что Гумилев — хороший поэт? Стоит ему прислать дров, или нет. Я сказал, что Гумилев — отличный поэт. А Батюшков — хороший профессор? О да! Батюшков отличный профессор.

БЛОК. «СЕДОЕ УТРО». П., «АЛКОНОСТ», 1920

С дарственной надписью К. И. Чуковскому
от 3 ноября 1920 г.

Собрание К. И. Чуковского, Москва

Горький принял нас нежно и любяще (как будто он видит нас впервые и слышал о нас одно хорошее). Усадил и взволнованно стал говорить о серии книг: Избранные произведения русских писателей XIX в., затаеваемых Гржебиным. Предложил образовать коллегия по изданию этой серии. В коллегия входим: Н. Лернер, А. Блок, Горький, Гржебин, Замятин, Гумилев и я. Потом Горького вызвали спешно в Асторию — и он уехал: прибыл Воровский²³.

Блок жаловался: как ужасно, что тушат электричество на 4 часа — вчера он хотел писать три статьи — и темно.

14 ноября. . . Блок дал мне проредактированный им том Гейне²⁴. Я нашел там немало ошибок. Некоторые меня удивили: например слово *подмастерье* Блок склоняет так: род<ительный> п<адеж> подмастерьи, дат<ельный> пад<еж> подмастерье — как будто это Дарья

16 ноября. Блок патологически аккуратный человек. Это совершенно не вяжется с той поэзией безумия и гибели, которая [ему так] удается. Любит каждую вещь обернуть бумажечкой, перевязать веревочкой; страшно ему нравятся футлярчики, коробочки. Самая растрепанная книга, побывавшая в его руках, становится чище, приглаженнее. Я ему это сказал, и теперь мы знающе переглядываемся, когда он проявляет свою манию опрятности. Все, что он слышит, он поровит зафиксировать в записной книжке — вынимает ее раз двадцать во время заседания, записывает (что? что?) — и аккуратно сложив и чуть не дунув на нее — неторопливо кладет в специально предназначенный карман.

17 ноября. Воскресенье. . . С Мережковским мы ходили в «Колос» — там читал Блок — свой доклад о музыкальности и цивилизации, который я уже слышал²⁵. Впечатление жалкое. Носы у всех красные, в комнате холод, Блок — в фуфайке, при всяком слове у него изо рта — пар. Несчастные, обглоданные люди — слушают о том, что у нас было слишком много цивилизации, что мы погибли от цивилизации. Видел я Сюннерберга, Ив. Разумника²⁶ — все какие-то бывшие люди.

19 ноября. Среда. Вчера три заседания подряд: первое — секция исторических картин²⁷, второе — Всемирная литература, третье — у Гржебина, «Сто лучших русских книг»²⁸. Так как я очень забывчив на обстановку и подробности быта — запишу раз навсегда, как это происходит у нас. Теперь мы собираемся уже не на Невском, а на Моховой, против Тенишевского училища. Нам предоставлены два этажа барского особняка генеральши Хириной²⁹. Поднимаешься по мраморной лестнице — усатый меланхолический Антон и седовласый Михаил Яковлевич, бывший лакей Пуни, потом лакей Репина — «Панин папа» — как называют его у нас. Сейчас же налево — зал заседаний, длинная большая комната, соединенная лестницей с кабинетом Тихонова — наверху. В зале множество безвкусовых картин — пейзажей — третьего

сорта, мебель рыночная, но с претензиями. Там за круглым длинным столом мы заседаем в таком порядке:

Гумилев / Замятин / Лозинский / Браудо / Левинсон

Вольнский	Батюшков	Секретарша
Ольденбург	Браун	Евдокия
Тихонов		Петровна
Горький		

Блок / я / Сильверсван / Лернер ³⁰

Я прихожу на заседания рано. Иду в зал заседаний — против окон видны силуэты: Горький беседует с Ольденбургом. Тот, как воробей, прыгает вверх (Ольденбург всегда форсированный, демонстрирующий энергию). Там же сидит одиноко Блок — с обычным видом грустного и покорного недоумения: «И зачем я здесь? И что со мной сделали? И почему здесь Чуковский?» Здравствуй, Корней Иванович!

20 ноября 1919. Итак, вчера мы открывали «Дом искусства» ³¹. Огромная холодная квартира, в которой каким-то чудом натопили две комнаты — стол с дивными письменными принадлежностями, все — как по маслу: прислуга, в уборной графин и стакан, гости. Горького не было, он болен. Все были так изумлены, когда им подали карамельки, стаканы горячего чая и булочки, — что немедленно избрали Сазонова товарищем председателя!

Заседания не описываю, ибо Блок описал его для меня в Чукоккале ³². Кое-что подсказывал ему я (об Анненкове). Немирович ³³ председательствовал — беспомощно: ему приходилось суфлировать каждое слово. — Холодно у вас? — спросил я его. — Да, три градуса, но я пишу об Африке, об Испании, — и согреваюсь! — отвечал бравый старикан. Мы ходили осматривать елисейскую квартиру (нанятую нами для Дома искусств). Безвкусица оглушительная. Уборная m-me Елисейской вся расписана: морские волны, кораблекрушение. Множество каких-то гимнастических приборов, напоминающих орудия пытки. Блок ходил и с недоумением спрашивал: — А это для чего?

Блок очень впечатлителен и переимчив. Я недавно читал в коллегии доклад о том, что в 40-х г.г. писали: аплодисманы, мебели (мн «ожественное» ч «исло») и т. д. Теперь в его статейке об Андрееве встретилось слово мебели (мн «ожественное» ч «исло») ³⁴ и в отчете о заседании — «аплодисманы».

23 ноября. . . . Блок читал сценарий своей египетской пьесы (по Масперо) ³⁵. Мне понравилось — другим не очень. Тихонов возражал: не пьеса, нет драматичности. Блок в объяснение говорил непонятное: у меня там выведен царь, который растет вот так, и он начертил руками такую фигуру: V; а потом цари стали расти вот так: Λ.

< . . . > Очень забавен эпизод со стихами < . . . > служащему нашей конторы, Давиду Самойловичу Левину. Когда-то он снабдил Блока дровами, всех остальных обманул. Но и Блок и обманутые чувствуют какую-то надежду — авось придет еще дров. Теперь Левин завел альбом, и ему наперебой сочиняют стишки о дровах — Блок, Гумилев, Лернер ³⁶.

27 ноября. Третьего дня заседание во «Всемирной». < . . . > После заседания «Всем «ирной» лит «ературы»» — Горький с Ольденбургом уезжают в Асторию — в экипажке Горького. Потом я, Блок, Гумилев, Замятин и Лернер отправляемся в «комнату, где умывальник» — к машинисткам — и начинаем обсуждать программу ста лучших писателей. Гумилев представил импрессионистскую: включен Денис Давыдов (потому что гусар) и нет Никитина. Замятин примкнул к Гумилеву. Блок стоит на исторической точке зрения — и составил программу идеальную: она и свежа, и будоражит, в ней нет пошлости — и научна. Мы спорили долго. Гумилев говорит по поводу моей: это провинциальный музей, где есть папираса, которую курил Толстой, а самого Толстого нет.

Блок — со своей любовью к системе — изготовил несколько табличек: сколько поэтов, сколько прозаиков, какой процент юмористов и т. д. Я включил в свою программу модернистов: «К чему вы этих молодых людей включили?», «Я в этих молодых людях ничего не понимаю», — твердил Блок. Я наметил для Сологуба 2 тома. Блок: «Неужели Сологуб есть 1/50 всей русской литературы». На следующий день (вчера) мы встретились на заседании «Дома искусств». Блок продолжал: «Гумилев хочет дать только хорошее, абсолютное. Тогда нужно дать Пушкина, Лермонтова, Толстого, Достоевского». Я говорю: а Тютчева? — Ну что такое Тютчев? Коротко, мало, все отрывочки. К тому же он немец, отвлеченный.

29 ноября 1919 г. . . . Блок написал пьесу о фараонах — Горький очень хвалил: «Только говорят они у вас слишком по-русски, надо немного вот так» (и он вытянул руки вбок — как древний египтянин — стилизовал свою нижегородскую физиономию под Анубиса) — нужно каждую фразу поставить в профиль. Было у нас заседание по программе для Гржебина. Горький говорил, что все нужно расширить — не сто книг, а двести пятьдесят. Впервые на заседании присутствовал Иванов-Разумник <...> молчаливый, чужой. Блок очень хлопотал привлечь его на наши заседания. Я научил Блока — как это сделать: послать Горькому письмо. Он так и поступил. Теперь они явились на заседание вдвоем, — я отодвинулся и дал им возможность сесть рядом.

30 ноября. Воскресение. . . . Блок, когда ему сказали, что его египтяне в Рамсесе говорят слишком развязно, слишком по-русски — сказал: «Я боюсь книжности своих писаний. Я боюсь своей книжности». Как странно — его вещи производят впечатление дневника — раздавленных кипшук. А он — книжностью!

3 декабря 1919 г. . . . Вчера день сплошного заседания. Начало ровно в час — о программе для Гржебина. Опять присутствует Иванов-Разумник. Я пришел, Горький уже был на месте. Когда мы заговорили о Слепцове, Горький рассказал, как Толстой читал один рассказ Слепцова — и сказал: это (сцена на печи) похоже на моего Поликушку, только у меня хуже будет. «Одно только Толстому не нравилось: «стеженное одеяло», Толстой страшно ругался³⁷. Когда мы заговорили о Загоскине и Лажечникове — Горький сказал: «Не люблю. Плохие Вальтер-Скотты». Когда зашла речь о Вельтмане, он сказал: а вы читали Софью Вельтман, жену романиста? Замечательный роман в «Отечественных» Записках» — с огромным знанием эпохи — в 50-х г. г. издан³⁸. Блок представил список, очень подробный, по годам рождения — и не спорил, когда, напр., Дельвига из второй очереди перевели в первую. Во время чтения программы Иванова-Разумника — произошел инцидент. Иван(ов)-Раз(ум)ник сказал: «Одну книжку — бывшим акмеистам». Гум(илев) попросил слова по личному поводу и спросил надменно: кого именно Иван(ов)-Раз(ум)ник считает бывшими акмеистами. Разумник ответил: вас, С. Городецкого и друг. — Нет, мы не бывшие, мы . . . Я потушил эту схватку. В начале заседания по Картинам (Ольденбург не пришел) Горький с просветленным и сконфуженным лицом сказал Блоку:

Александр Александрович! Сын рассказывает — послушайте — приехал в Москву офицер — сунулся на квартиру к одной даме — откровенно: я офицер, был с Деникиным, не дадите ли приюта? — Пожалуйста! — Живет он у нее десять дней, вступил в близкие с ней отношения, все как следует, а потом та предложила ему: не собраты ли еще других деникинцев? Пожалуй, собери, потолкуем. Сошлось человек двадцать, он сделал им доклад о положении дел у Деникина, а потом вынул револьвер — руки вверх — и всех арестовал и доставил начальству. Оказывается, он и вправду б(ывший) деникинец, теперь давно перешел на сторону Советской власти и вот теперь занимается спортом. Недурно, а? Неглупо, не правда ли?

7 декабря. . . . Третьего дня — Блок и Гумилев — в зале заседаний — сидя друг против друга — внезапно заспорили о символизме и акмеизме.

Очень умно и глубоко. Я любовался обоими. Гумилев: символисты в большинстве аферисты. Специалисты по прозрениям в нездешнее. Взяли гирию, написали 10 пудов, но выдолбили всю середину. И вот швыряют гирию и так и сак. А она пустая.

Блок осторожно, словно к чему-то в себе прислушиваясь, однотонно: «Но ведь это делают все последователи и подражатели — во всех течениях. Но вообще — вы как-то не так: то, что вы говорите, — для меня не русское. Это можно очень хорошо сказать по-французски. Вы как-то слишком литератор. Я — на все смотрю сквозь политику, общественность» . . .

Чем больше я наблюдаю Блока, тем яснее мне становится, что к 50 годам он бросит стихи и будет писать что-то публицистико-художественно-прогностическое (в духе «Дневника писателя»). Иванова-Разумника на нашем гржебинском заседании не было: его, кажется, взяли в солдаты. Мы составили большой и гармонический список. *Блок настоял на том, чтобы выкинули Кольцова и включили Аполлона Григорьева.* Я говорил Блоку о том, что если бы в 16—20 лет меня спросили: кто выше — Шекспир или Чехов, я ответил бы: Чехов. Он сказал: для меня было то же самое с Фетом. Ах, какой Фет! И Полонский! И стал читать наизусть Полонского.

9 декабря. Сейчас было десять заседаний подряд. Вчера я получил прелестные стихи от Блока о розе, капусте и Брюсове — очень меня обрадовавшие³⁹. < . . . > Сегодня я впервые заметил, что Блок ко мне благоволит. Когда на заседании у Картиных я сказал, что пятистопный ямб не годится для трагедии из еврейской жизни — что пятистопный <ый> ямб это эсперанто, — он сказал: «Мудрое замечание». Сообщил мне, что в его шуточном послании ко мне строчку о Брюсове сочинила его жена — «лучшую в сущности строчку»⁴⁰. В «Двенадцати» у нее тоже есть строка: «Шоколад Миньон жрала». Я спросил, а как же было прежде? — А прежде было худо: Юбкой улицу мела.

А у них ведь юбки короткие⁴¹.

11 декабря. . . . Вчера было третье заседание Дома искусств. Блок принес мне в подарок для Чукоккалы новое стихотворение: пародию на Брюсова — отличное⁴². < . . . > На заседании Нерадовский⁴³ нарисовал в Чукоккалу — Александра Бенуа, а Яремич⁴⁴ — Немировича. Когда мы обсуждали, какую устроить вечеринку, Блок сказал: «Нужно — цыганские песни».

1920 год

3 января. . . . Вчера Блок сказал: «Прежде матросы б <ыли> в стиле Маяковского. Теперь их стиль — Игорь Северянин». Это глубоко верно.

20 марта. . . . Вчера заседание у Гржебина — в среду. Я, Блок, Гумилев, Замятин, Лернер и Варвара Васильевна⁴⁵. < . . . > Разговор с Блоком. Блок взялся проредактировать Лермонтова — и конечно его работа прекрасна. Очень хорошо подобраны стихи, но статья написана не в популярно-вульгарном тоне, как нужно Горькому, а в обычном блоковском, с напрасными усилиями принизиться до уровня малокультурных читателей. Для Блока Лермонтов — маг, тайновидец, сновидец, богоборец; для Горького это «культурная сила», «двигатель прогресса», здесь дело не в стиле, а в сути. Положение Блока — трагическое. Чем больше Горький доказывал Блоку, что писать надо иначе: «Дело не в том, что Лермонтов видел сны, а в том, что он написал «На смерть П<у>шк<ина>», тем грустнее, надменнее, замкнутее становилось измученное прекрасное лицо Блока.⁴⁶

Замятин еще не закончил Чехова. Я — после звериных трудов — сдал наконец Некрасова. Когда мы с Горьким случайно оказались в другой комнате — он очень огорченно и веско сказал:

— Вот наши писатели. Ничего не могут! Ничего. Нет, Корней Иванович, ученые лучше. Вот мы вчера заседали здесь — это люди! Ферсман, Ольденбург и Пинкевич!⁴⁷ Как работают. А из писателей вы один. Я вами люблю. . . Да, люблю. . .

Судя по старинным грамотам
Воскресенье — день
(Воскресенье — день)
«Воскресенье» — день, воскресенье.

Воскресенье

... Но как же можно жить без тебя, моя
Дочь? Ты же была моим ангелом, моим
милым, моим ангелом, моим
О Твоем в душе; Ты была
на том свете, в душе, в сердце
становилась для нас мученицей.

Воскресенье

Какую же науку получил человек?

Воскресенье

Кто же был первым человеком?
Кто первый человек, кто первый человек?

(См. в «Воскресении»)
«По воскресенью» — день, воскресенье.
«По воскресенью» — день, воскресенье.
«По воскресенью» — день, воскресенье.
«По воскресенью» — день, воскресенье.

Воскресенье

— 2 —

«Воскресенье» — день, воскресенье;
«Воскресенье» — день, воскресенье;
«Воскресенье» — день, воскресенье;
«Воскресенье» — день, воскресенье.

«Воскресенье» — день, воскресенье.

Кто же был первым человеком?
Кто же был первым человеком?
Кто же был первым человеком?
Кто же был первым человеком?

Воскресенье

Кто же был первым человеком?
Кто же был первым человеком?
Кто же был первым человеком?
Кто же был первым человеком?

«Воскресенье» — день, воскресенье.

Кто же был первым человеком?
Кто же был первым человеком?
Кто же был первым человеком?
Кто же был первым человеком?

Воскресенье

«Воскресенье» — день, воскресенье;
«Воскресенье» — день, воскресенье;
«Воскресенье» — день, воскресенье;
«Воскресенье» — день, воскресенье.

24

— 3 —

«Воскресенье» — день, воскресенье.

«Воскресенье» — день, воскресенье;
«Воскресенье» — день, воскресенье;
«Воскресенье» — день, воскресенье;
«Воскресенье» — день, воскресенье.

Воскресенье

Кто же был первым человеком?
Кто же был первым человеком?
Кто же был первым человеком?
Кто же был первым человеком?

Воскресенье

«Воскресенье» — день, воскресенье.

«Воскресенье» — день, воскресенье.

Воскресенье

«Воскресенье» — день, воскресенье.

Воскресенье

«Воскресенье» — день, воскресенье.

Воскресенье

«Воскресенье» — день, воскресенье.

Воскресенье

«Воскресенье» — день, воскресенье.

БЛОК. «СЦЕНА ИЗ ИСТОРИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ «ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА».

Автограф, листы «Чуковский».

Собрание К. И. Чуковского, Москва

Он только что получил от Уэльса письмо — и книжки, написанные Уэльсом, — популяризация естественных наук ⁴⁸. Это Горькому очень дорого: популяризация. Он никак не хочет понять, что Блок создан не для популяризации знаний, а для свободного творчества, что народу будет больше добра от одного лирического стихотворения Блока, чем от десяти его популярных брошюр, которые мог бы написать всякий грамотный полуталант, вроде меня.

30 марта. <...> На днях Гржебин звонил Блоку: «Я купил Ахматову». Это значит: приобрел ее стихи. <...> Мы встретили ее и Шилейку ⁴⁹, когда шли с Блоком и Замятиным из «Всемирной». Первый раз вижу их обоих вместе. . . Замечательно — у Блока лицо непроницаемое — и только движется, все время зыблется, «реагирует» что-то неумолимо вокруг рта. Не рот, а кожа возле носа и рта. И у Ахматовой то же. Встретившись, они ни глазами, ни улыбками ничего не выразили, но там было высказано многого ⁵⁰.

1 апреля 1920 г. . . . Я спросил как-то у Блока, почему он посвятил свое стихотворение «Шар раскаленный золотой» Борису Садовскому ⁵¹, которому он так чужд. Он помолчал и ответил: Садовской попросил, чтобы я посвятил ему, нельзя было отказать.

Обычный пассивизм Блока. «Что быть должно, то быть должно». «И приходилось их ставить на стол» ⁵².

26 июня. . . . «Вечер Блока» ⁵³. Блок учил свои стихи 2 дня наизусть — ему очень трудно помнить свои стихи. Успех грандиозный — но Блок печален и говорит:

— Все же этого не было! — показывая на грудь.

25 ноября. Вчера Блок на заседании у Тихонова (Всемирная литература) подошел ко мне и словоохотливо рассказал, что он б^{ыл} у художника Бразы и что там б^{ыл} немецкий писатель Голичер, который приехал изучать советский быт. Голичер говорил: не желайте лучшего, теперь всякий другой строй будет хуже большевистского. (Очевидно для Блока эти слова очень значительны.) И вы согласились с ним? — «Не с ним, а с тоном его голоса. Он говорил газетные затасканные вещи, но тон был очень глубоким» ⁵⁴. Заговорили о Горьком. «Горький притворяется, что он решил все вопросы и что он не верит в бога. . . Есть в нем что-то поэтическое, затаенное» ⁵⁵.

8 декабря. Маяковский забавно рассказывал, что он б^{ыл} когда-то давно у Блока. Лили ⁵⁶ была именинница, приготовила блины — велела не запаздывать. Он пошел к Блоку, решив вернуться к такому-то часу. Она же велела ему достать у Блока его книги — с автографом. — Я пошел. Сажу. Блок говорит, говорит. Я смотрю на часы и рассчитываю: десять минут на разговор, десять минут на просьбу о книгах и автографах и минуты три на изготовление автографа. Все шло хорошо — Блок сам предложил свои книги и сказал, что хочет сделать надпись. Сел за стол, взял перо — сидит пять минут, десять, пятнадцать. Я в ужасе — хочу крикнуть: скорее! — он сидит и думает. Я говорю вежливо: вы не старайтесь, напишите первое, что придет в голову, — он сидит с пером в руке и думает. Пропали блины! Я мечусь по комнате, как бешеный. Боюсь посмотреть на часы. Наконец Блок кончил. Я захлопнул книгу — немного размазал, благодарю, бегу, читаю: Вл. Маяковскому, о котором в последнее время я так много думаю.

18 декабря 1920. . . . Говорили на заседании «Всемирной литературы» о том, что очень нуждается Буренин. Волинский, которого Буренин травил всю жизнь, пошел к нему и снес ему 10 000 рублей, от Лит. фонда (который тоже был травим Бурениным). Блок сказал: если бы устроили подписку в пользу Буренина, я с удовольствием внес бы свою лепту. Я всегда любил его ⁵⁷.

1921 год

12 января. . . . Был я третьего дня у Блока. Тесно: жена, мать, сестра жены, <...> Книпович ⁵⁸. О стихах Блока: «Незнакомку» писал, когда был у него Белый, — целый день. Белый взвизгивал, говорил — «а я послушаю и опять

попишу». Показывал мне парижские издания «Двенадцати». Я заговорил о европейской славе. <...> — «Почему вы пишете *ужь*, а не *ужъ*?»⁵⁹ — «Буренин высмеял стихотворение, где *ужь*, приняв за живого ужа». Что такое у вас в стихах за «Звездная месь»? «Звездная месь» — чепуха, придуманная чорт знает зачем, а у меня было раньше: «ах, как хочется пить и есть»⁶⁰.

«Мой Христос в конце «Двенадцати», конечно, наполовину литературный, — но в нем есть и правда. Я вдруг увидал, что с ними Христос — это было мне очень неприятно — и я нехотя, скрепя сердце — *должен был поставить Христа*»⁶¹.

Он показал мне черновик «Двенадцати» — удивительно мало вариантов отвергнутых. Первую часть — больше половины — он написал сразу, а потом, начиная с «Невской башни» «пошли литературные фокусы». Я задавал ему столько вопросов о его стихах, что он сказал: «Вы удивительно похожи на следователя в Ч. К.», но отвечал на вопросы с удовольствием. «Я все ваши советы помню, — сказал он мне. — Вы советовали выкинуть куски в стих «отворении» «России», я их выкину. Даты поставлю». — Ему очень понравилось, когда я сказал, что «в своих гласных он не виноват»; «да, да, я их не замечаю, я думаю только про согласные, отношусь к ним сознательно, в них я виноват. Мои «Двенадцать» и начались с согласной *ж*»:

Уж я ножичком
Полосну, полосну».

13 февраля 1921 г. Только что в 1 час ночи вернулся с Пушкинского праздника в Доме литераторов. Собрание историческое. Стол — за столом Кузмин, Ахматова, Ходасевич, Кристи, Кони, Александр Блок, Котляревский, Шеголев и Илья Садофьев⁶² (из пролеткульта). Должен был быть Кузмин из Наробраза, но его не было. Жаль, за столом не сидел Ал. Ремизов. Пригласили и меня, но я отказался. Впрочем, меня пригласили в задний ряд, где сидели: Волинский, Губер, Волковский⁶³ и др. Речь Кони (в к^ото^ром я почему-то разочаровался) — внутренне равнодушна и внешня. За дешевыми ораторскими фразами чувствовалась пустота. Стишки М. Кузмина прошепеленные но без ужимки — стихи на случай — очень обыкновенные. После Кузмина — Блок. Он в белой фуфайке и в пиджаке. Сидел за столом неподвижно. (Еще до начала спрашивал: будет ли Ионов?⁶⁴ И вообще из официальных кругов?). Подошел к кафедре, развернул бумагу и матовым голосом стал читать⁶⁵. <...> Блок несуетливо и медленно разговаривал потом с Гумилевым. Потом концерт. Пела Бриан⁶⁶ «письмо Татьяны» — никакого на меня впечатления. Когда я сказал, что Бриан — акушорка, Волинский⁶⁷ отозвался: «Ну вот, вы не достаточно чутки. . .» Блок вдруг оживился: да, да, акушорка, верно! — и даже благодарно посмотрел на меня. Волинский: «Значит, вы очень чутки».

4 марта 1921. . . . Вчера в Лавке писателей при Доме искусств был Блок, Добужинский, Ф. Ф. Нотгафт⁶⁷. Блок, оказывается, ничего не знал о крошадских событиях, — узнал все сразу, и захотел спать. «Я всегда хочу спать, когда события. Клонит в сон. И вообще становлюсь вялым. Так во всю революцию». И я вспомнил, что то же бывало и с Репиным. Чуть тревога — спать!

9 марта. . . . Вчера б^ыло заседание Профессионального союза писателей о пайках. Блок сидел рядом со мною и перелистывал Гржебинское издание «Лермонтова», изданного под его, Блока, редакцией⁶⁸. «Не правда ли такой Лермонтов, только такой?» — спросил он, указывая портрет, приложенный к изданию. Другие портреты — вздор, только *этой*. . .»

25 апреля. Сегодня вечер Блока⁶⁹. Я в судороге. 3 ночи не спал. Есть почти нечего. Сегодня на каждого пришлось по крошечному кусочку хлеба. <...> Беда в том, что я лекцией своей совсем недоволен. Я написал о Блоке книгу, и вот теперь, выбирая для лекции из этой книги отрывки, замечаю, что хорошее читать нельзя в театре (а мы сняли *театр* большой драматический, быв^ший Суворинский, на Фонтанке), нужно читать общие места, *то, что*

похуже. Это закон театральных лекций. Мои многие статьи потому и фальшивы и неприятны для чтения, что я писал их как лекции, которые имеют свои законы — почти те же, что и драма. Здесь должно быть действие, движение, борьба, азарт — никаких тонкостей, все площадное.

Уже половина седьмого. Я совершил туалет осужденного к казни: нагутаилин ботинки, надел одну манижету, дал выгладить брюки и иду. Сердце болит до мерзости. Через 1/2 часа начало. Что-то я напишу сюда, когда вернусь вечером? Помогите мне бог. Сегодня мне вообще везло. Я добыл чашки для чаепития, стаканы, восстановил апрельский мурманский паек, — и вот иду!

А вечером ужас — неуспех. Блок был ласков ко мне, как к больному. Актеры все окружили меня и стали говорить: «наша публика не понимает» и пр. Блок говорил: «Маме понравилось», но я знал, что я провалился. Блок настоял, чтобы мы снялись у Напелбаума ⁷⁰, дал мне цветок из поднесенных ему и шел со мной домой — но я провалился ⁷¹.

1-ое мая. Поездка в Москву. Блок подъехал на бричке ко мне, я снес вниз чемодан, и мы поехали. Извозчику дали 3 т<ысячи> рублей и 2 фунта хлеба. Сидели на вокзале час. У Блока подагра. За два часа до отбытия, сегодня утром, он категорически отказался ехать, но я уговорил его. Дело в том, что дома у него плохо: он знает об измене жены, и я хотел его вытащить из этой атмосферы. Мы сидели с ним на моем чемодане, а на площади шло торжество — 1 Мая. Ораторы. Уланы. Он встал и пошел посмотреть — вернулся: нога болит. В вагоне мы говорили про его стихи. «Где та, которой посвящены ваши стихи «Через 12 лет»? — Я надеюсь, что она уже умерла. Сколько ей было бы лет теперь? Девяносто? Я был тогда гимназист, а она — увядающая женщина» ⁷². <...> Говорил о маме: «Мама уезжает в Лугу к сестре. Там они поссорятся. Не сейчас. Через месяц».

— Вы ощущаете как-нибудь свою славу?

— Ну, какая же слава. Большинство населения даже фамилии не знает.

Так мы ехали благодушно и весело. У него болела нога, но не очень. С нами б<ыли> Алянский ⁷³ и еще одна женщина, которая любила слово «бесительно». Ночью было бесительно холодно. Я читал в вагоне О. Ненгу.

2 мая. В 2 часа мы приехали. На вокзале никакой Облонской. Вдруг идет к нам в шелковом пребезобразном шарфе беременная и экзальтированная г-жа Коган. «У меня машина. Идем». Машина — чудо, бывшая Николая Второго, колеса двойные, ревет, как белуга. <...> Довезли в несколько минут на Арбат к Коганам ⁷⁴. У Коганов бедно и напыщенно, но люди они приятные. Чай, скисшая сырная пасха, кулич. Входит с букетом Долидзе ⁷⁵.

В Комитет Дома Искусств

Заявление

Мы, нижеподписавшиеся, просим
предоставить нам квартиру, без
платы, в которую бы мы могли переехать
из дома «Дом Искусств» в дом
Александра Блока в помещении Бюро
Бюро. Драм. Бюро, так как раскаты
на устройству при этом Бюро, а
помещение это предоставлено А. Блоку
персонально. Мы предлагаем Бюро «Дом
Искусств» с своей стороны вынести
к этой комитет просьбу сочувственно

26 апреля 1921 года

Андрей

К. Чуковский

ЗАЯВЛЕНИЕ БЛОКА И К. И. ЧУКОВСКОГО
(ПО ПОВОДУ ГОНОРАРА) В КОМИТЕТ ДОМА
ИСКУССТВ, 1921 г.

Автограф, лист «Чукоккалы»

Собрание К. И. Чуковского, Москва

Ругают Облонскую, устроительницу лекций. Я иду к Облонской. Веду ее на расправу к Коганам. Совещаются. Все устраивается.

3 мая. Спал чуть-чуть, часа 3. Непривычное чувство: сытость. Мудрю над лекцией о Блоке — все плохо. <...> Сбор неполный. Это так ошеломило Блока, что он не хотел читать. Наконец согласился — и механически, спустя рукава, прочитал 4 стихотворения. Публика встретила его не теми аплодисментами, к каким он привык. Он ушел в комнату — и ни за что, несмотря на мольбы мои и Когана. Наконец вышел и прочел стихи Фра Филиппо Липпи по-латыни, без перевода, с упрямым, но не вызывающим лицом ⁷⁶.

5 мая. Лекция о Блоке прошла оживленно. Слушали хорошо, задавали вопросы. <...> Блок читал, читал без конца, совсем иначе — и имел огромный успех ⁷⁷. <...> На лекции был Маяковский, в длинном пиджаке до колен, просторном, художническом; все наше действие казалось ему скукой и смертью ⁷⁸. Он зевал, подсказывал вперед рифмы и ушел домой спать. Ночью он идет в Пушкино, на дачу.

6—7—8 мая. Все дни перепутались. <...> В Доме печати против Блока открылся поход. Блока очень приглашали в Дом печати. Он пришел туда и прочитал неск<олько> стихотворений. Тогда вышел какой-то черный тов. Струве и сказал: «Товарищи! Я вас спрашиваю, где здесь динамика? Где здесь ритмы? Все это мертвечина и сам тов. Блок — мертвец» ⁷⁹.

— Верно, верно! — сказал мне Блок, сидевший за занавеской. — Я действительно мертвец.

Потом вышел П. С. Коган, и очень пошло, ссылаясь на Маркса, доказывал, что Блок не мертвец.

— Надо уходить, — сказал я Блоку. Мы пошли в Итальянское общество. Увидев, что Блок уходит, часть публики тоже ушла. Блок шел в стороне, — вспоминая стихи. Погода южная, ночь восхитительная. По переулкам молча и задумчиво шагает поэт и за ним, тоже тихо и торжественно, шествуют его верные. Но в Итальянском о<бществе> шел доклад Осоргина ⁸⁰ об Италии. Пришлось ждать в прихожей. Блок сел рядом со мною на скамейку — и барышни окружили его. Две мои знакомые робко угощали его монпасье. Он даже шутил — но негромко и сдержанно. Потом, когда Осоргин кончил, мы вошли в зал. Публика не та, что в Доме печати, а набожная, образованная. Муратов ⁸¹ (председатель) приветствовал Блока краткой речью: «Не знаю, как люди другого поколения, но для нас, родившихся между 1880 и 1890 годом, Александр Блок — самое дорогое имя».

Публика слушала Блока влюбленно ⁸². Он читал упоительно: густым, страдающим, певучим, медленным голосом.

На следующий день то же произошло в Союзе писателей ⁸³. Из Союза мы с Маринкой пошли к Коганам. Блок долго считал деньги, говорил по телефону со Станиславским, а потом сел и сказал:

— До чего у меня все перепуталось. Я сейчас хотел писать письмо в Союз писателей — с извинениями, что не мог быть там.

Он получил от мамы письмо. Мама уже уехала в Лугу.

11 августа. Только что вошел Добужинский и сказал, что Блок скончался. ⁸⁴ Реву — и что де-<оторван> кусок страницы. — Е. Ч. >.

12 августа. Никогда в жизни мне не было так грустно, как когда я ехал из Порхова ⁸⁵ <...> — на линейке мельничихи — грустно до самоубийства. Мне казалось, что вот в Порхов я поехал молодым и веселым, а обратно еду — старик, выпитый, выжатый — такой же скучный, как то проклятое дерево, которое торчит за версту от Порхова. Серое, сухое — воплощение здешней тоски. Каждый дом в проклятой Слободе, казалось, был сделан из скуки — и все это превратилось в длинную тоску по Александру Блоку. Я даже не думал о нем, но я чувствовал боль о нем — и просил Лиду учить вслух английские слова, чтобы хоть немного не плакать. Каждый дом кривой, серый, говорил: «А Блока нету. И не надо Блока. Мне и без Блока отлично. Я и знать не хочу, что за Блок». И чувствовалось, что все эти сволочные дома

и в самом деле сожрали его — т. е. не как фраза чувствовалось, а *на самом деле*: я увидел светлого, загорелого, прекрасного, а его давят домишки, где вши, клопы, огурцы, самогонка и — порховская, самогонная скука. Когда я выехал в поле, я не плакал о Блоке, но просто — все вокруг плакало о нем. И даже не о нем, а обо мне. «Вот едет старик, мертвый, задущенный — без ничего». Я думал о детях — и они показались мне скукой. Думал о литературе — и понял, что в литературе я ничто, фальшивый фигляр — не умеющий *по-настоящему* и слово сказать. Как будто с Блоком ушло какое-то очарование, какая-то подслащающая ложь — и все скелеты наружу. — Я вспомнил, как он загорал — благодатно, как загорают очень спокойные и прочные люди, какое у него было — при кажущейся окаменелости — восприимчивое и подвижное лицо — вечно было в еле заметном движении, зыбилось, втягивало в себя впечатления. < . . . > Если вдруг в толпе и толчее «Всемирной литературы» появляется дорогой ему человек — ну хоть Зоргенфрей⁸⁶, хоть Книпович⁸⁷ — лицо, почти не меняясь, всеми порами втягивало то, что ему < было > радостно. За три или четыре шага прежде чем подать руку он делал приветливые глаза, прежде чем поздороваться и вместо приветов просто констатировал: ваше имя и отчество: «Корней Ив<анович>», «Николай Степанович», произнося это имя, как «здравствуйте». И по телефону 6 12 00 бывало позвонишь, и раздается, как из могилы, печальный и густой голос: «Я вас слушаю» (никогда не иначе. Всегда так). И потом: Корней Иванович (опять констатирует). Странно, что я вспоминаю не события, а вот такую физиологию. Как он во время чтения своих стихов (читал он всегда стоя, всегда без бумажки, ровно и печально) чуть-чуть переступит с ноги на ногу и шагнет полшага назад; как он однажды, когда Любовь Дм<итриевна> прочитала Двенадцать и сидела в гостиной Дома искусств, вышел к ней из зала с любящим и восхищенным лицом⁸⁸. Как лет 15 назад я видел его в игорном доме (был Иорданский и Ценский). Он сидел с женою О. Норвежского⁸⁹ Поленькой Сас, играл с нею в лото, был пьян и возбужден, как на Вас<ильевском> Острове он был на представлении пьесы Дымова «Слушай Израиль»⁹⁰ и ушел с Чулковым, как у Вяч. Ив<анова> на Таврической на крыше он читал свою «Незнакомку», как он у Сологуба читал «Снежную маску», как у Острогорского в «Образовании» читал «Над слякотью дорог». И эту обреченную походку — и всегдашнюю невольную величавость — даже когда забегал в Дом литераторов — перехватить стакан чаю или бутерброд — всю эту непередаваемую словами атмосферу Блока, я вспомнил — и мне стало страшно, что этого нет. В могиле его голос, его почерк, его изумительная чистоплотность, его *цветущие* волосы, его знание латыни, немецкого языка, его маленькие изящные уши, его привычки, любви, «его декадентство», «его реализм», его морщины — все это под землей, в земле, земля.

Самое страшное было то, что с Блоком кончилась литература русская. Литература это работа поколений — ни на минуту не прекращающаяся — сложнейшее взаимоотношение всего печатного с неумирающей в течение столетий массой. В его жизни не было событий. Ездил в Bad Nauheim. Он ничего не делал — только пел. Через него непрерывной струей шла какая-то бесконечная песня. Двадцать лет с 98 по 1918. И потом он остановился — и тотчас же стал умирать. Его песня была его жизнью. Кончилась песня и кончился он.

24 декабря. Сейчас от Анны Ахматовой: она на Фонтанке 18, в квартире Ольги Афанасьевны Судейкиной⁹¹. «Олечки нет в Петербурге, я покуда у нее, а вернется она, надо будет уезжать». Комната маленькая, большая кровать не застлана. На шкафу — на левой дверке — прибита икона Божьей Матери в серебряной ризе. Возле кровати столик, на столике масло, черный хлеб. Дверь открывает служанка-старуха: «дверь у нас карактерная». У Ахм<атовой> на ногах плед: «Я простудилась, кашляю». < . . . > Потом старуха затопила у нее в комнате буржуйку и сказала, что

Большая Аудитория ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО МУЗЕЯ
Всероссийский Союз Писателей. Петроград. Дом Искусства.

3, 5, 9 и 14-го Мая ВЕЧЕРА Александра БЛОКА.
К. Чуковский прочтет лекцию: **ОБ А. БЛОКЕ.** В заключение **А. БЛОК** прочтет свои стихи.

4 и 7-го Мая Н. ЧУКОВСКИЙ прочтет лекцию: „Поэт и палач“.
 (Некрасов и Муравьев-вешатель). Некрасов и его оды Муравьеву. Негодование террористов. Отамы Герцена, Глеба Успенского, Фета. Муравьев и царь. Вистред Баракозова. Патристический сифидис. Комиссаров—списатель царя. Суд над Некрасовым.

6 и 8-го Мая Лекции академика Анатолия Федоровича КОНИ.
 На жизненном пути. Воспоминания и встречи.

15-го Мая ВЕЧЕР памяти Леонида **АНДРЕЕВА.**
К. Чуковский Жизнь и творчество **Л. Андреева.** **Б. Зайцев** и **Ал. Вознесенский:** Воспоминания о **Л. Андрееве.**

16-го Мая ВЕЧЕР ФЕТА. О творчестве **Фета.**
Ю. А. Айхенвальд, К. И. Чуковский, Г. И. Чулков. Стихи **Фета** прочтут артисты I Студии Художественного театра. Романы на слова **Фета** исп. певцы.
 Начало в 7 час. вечера. Билеты продаются в Политехническом музее.

АФИША ВЕЧЕРОВ БЛОКА В ПОЛИТЕХНИЧЕСКОМ МУЗЕЕ

Май 1921 г.

Собрание К. И. Чуковского, Москва

дров к завтраму нет. — Ничего, — сказала Ахматова. — Я завтра принесу пилу, и мы вместе с вами напилим. (Сегодня я посылаю к ней Колю⁹².) Она лежала на кровати в пальто — сунула руку под плед и вытащила оттуда свернутые в трубочку большие листы бумаги. — Это балет «Снежная Маска» по Блоку. Слушайте и придирайтесь к стилю. Я не умею писать прозой. И она стала читать сочиненное ею либретто, которое было дорого мне как дивный тонкий комментарий к «Снежной Маске». Не знаю, хороший ли это балет, но разбор «Снежной Маски» отличный⁹³. — Я еще не придумала сцену гибели в третьей картине. Этот балет я пишу для Артура Сергеевича⁹⁴. Он попросил. Может быть, Дягилев поставит в Париже».

Потом она стала читать мне свои стихи, и, когда прочтала о Блоке, я разревелся и выбежал⁹⁵.

1922 год

17 марта. Мороз. Книжных магазинов открывается все больше и больше, а покупателей нет. Вчера открылся новый — на углу Семеновского и Литейного, где была аптека.

Если просидеть час в книжном магазине — непременно раза два или три увидишь покупателей, которые входят и спрашивают:

— Есть Блок?

— Нет.

— И «Двенадцати» нет?

— И «Двенадцати» нет.

Пауза.

— Ну так дайте Анну Ахматову.

Только что вспомнил (не знаю, записано ли у меня), что Маяковский в прошлом году в мае страшно бранил «Двенадцать» Блока. Фу, какие немощные ритмы.

24 марта. . . . Однажды он «Гумилев» доказывал мне, что стихи Блока плохи; в них сказано:

В какие улицы глухие
Гнать удалого лихача ⁹⁶.

«Блок, очевидно, думает, что лихач это лошадь. А между тем лихач — это человек».

26 марта. Очень неудачный день. <...> к Алянскому — не застал. Сидит его служащая, рядом с буржуйкой, кругом кипы книг и ни одного покупателя. Даже Блока 1-й том не идет. Алянский назначил за томик Блока цену 400 000 р., когда еще не получил счета из типографии. Получив этот счет, он увидел, что 400 000, — это явный убыток, и принужден был повысить цену до 500 000. А за 500 000 никто не покупает. Мой «Слононок» лежит камнем ⁹⁷. Ни один книгопродавец не мог продать и пяти экземпляров. На книжки о Некрасове и смотреть не хотят ⁹⁸. Наш разговор происходил на Невском — в доме № 57, в конторе издательства «Алконост» и «Эпоха». (В окно я видел желтый дом № 86 и вспомнил вдруг, что в оны годы там был Музей восковых фигур, где находилась и Клеопатра, описанная Блоком в известных стихах:

Она лежит в гробу стеклянном ⁹⁹.

Помню, я встретился там с Александром Александровичем, и мы любовались змеею, которая с постоянством часового механизма жалила — систематично и аккуратно — восковую грудь царицы).

25 апреля 1922 г. ... В субботу встретил Сологуба. Очень он поправился, пополнел. Глазок у него чистый, отчетливый, и вообще он весь, как гравюра. Он сказал мне у Тенишевского училища: слушайте, какую ехидную книжку вы написали о Блоке. Книжка, конечно, отличная, написана изящно, мастерски ¹⁰⁰. Хотя сейчас в Париж, но сколько там злоehидства. Блок был не русский — вы сами это очень хорошо показали ¹⁰¹. Он был немец, и его «Двенадцать» — немецкая вещь. Я только теперь познакомился с этой вещью — ужасная. Вы считаете его великим национальным поэтом ¹⁰². А по-моему весь свой национализм он просто построил по Достоевскому. Здесь нет ничего своего. России он не знал, русского народа не знал, он был студент-белопокладочник ¹⁰³.

Так мы долго стояли у входа в Тенишевское училище — против Всемирной литературы.

1923 год

20 янв<аря>. ... Вчера был в ложе у Конухесов ¹⁰⁴ на первом выступлении Н. Ф. Монахова ¹⁰⁵ в «Слуге двух господ» ¹⁰⁶ — первом после его выздоровления. Эту пьесу я уже видел — раз — сидел в той же самой ложе у Блока: тогда Блок привел нас и в тех местах, где ему казалось, что мы должны смеяться, оглядывался, смеемся ли мы, и очень радовался, если мы смеялись.

10 мая. ... Был вчера у Блока, потянуло на его квартиру, прошел пешком с Невы, по Пряжке; мальчишки барахтались на берегу. Вот его грязно-желтый дом — грязно-зеленый подъезд, облупленный черный ход. Звоню. Кухарка открыла. Слева в прихожей телефон, где сохранился почерком Блока перечень телефонных номеров — «Всемирная Литература», «Горький» и т. д. Вышла ко мне навстречу тетка Бекетова Марья Андреевна — поправилась, стала солиднее, видно, внутренне она в гармонии с собой — «Вот живу в комнате покойной сестры!» — сказала она ¹⁰⁷. Это белая узкая комната, где за тонкой перегородкой матросы. На стене большой портрет Блока работы Т. Н. Гиппиус ¹⁰⁸, множество карточек, и вот тетка сидит среди этих реликвий и пишет новую книгу о Блоке — текст к фотокарточкам, которые хочет издать к годовщине смерти Блока Алянский ¹⁰⁹. Я сел за столиком у окна и стал перелистывать журнал «Вестник», издававшийся Блоком в детстве. О, как гениально все это скле-

Ночные часы Блока
 из его письма к Лермонтову
 к чужой чуждой жизни — за
 бачка, в которой был наш об-
 щий, тогда много знавал.
 Блока есть тот, кто писатель
 писал русский к зоркости
 и восторженности своей;
 был для нас, мы ждали в нем
 великого. Но русский, а не
 русский, потому что она есть
 наша наша. Небеса его.
 Андрей Белый
 21 октября 1921 года Петербург

ЗАПИСЬ А. БЕЛОГО О БЛОКЕ 9 ОКТЯБРЯ
 1921 г.

Автограф, лист «Чукоккалы»

Собрание К. И. Чуковского, Москва

Я к Ольге Форш. Она одна — усадила — и начала говорить о Блоке. Говорила очень хорошо, мудро и взволнованно, о матери Блока:

— Да она ж его и загубила. Когда Блок умер, я пришла к ней, а она говорит: «Мы обе с Любой его убили — Люба половину и я половину».

Много говорила о стихах Блока — я стал успокаиваться. . .

14 мая. . . . Был у Ахматовой. Она показывала мне карточки Блока и одно письмо от него, очень помятое, даже исцарапано булавкой. Письмо — о поэме «У самого моря». Хвалит и бранит, но какая правда перед самым собой. . . ¹¹¹

30 мая. . . . Замятин напомнил мне, как я вовлек Блока в воровство. Во Всемирной литературе на столе у Тихонова были пачки конвертов. Я взял два конверта — и положил в карман. Конверты — казенные, а лавок тогда не было. Блок застыдился, улыбнулся. Я ему: «берите и вы». Он оглянулся — и больше из деликатности по отношению ко мне — взял два конверта и, конфузясь, положил в карман.

21 ноября, среда. Видел вчера Сологуба. Он возвратил мне взятые у меня деньги. Справился у себя в книжечке: в прошлый вторник курс червонца был столько-то, за эту неделю — вырос на столько-то, вы дали мне столько-то, возвращаю столько-то. < . . . > Отчетливо мыслит старик — почти как Блок. Тот был еще отчетливее. Нужно было заплатить мне столько-то миллионов плюс 15 миллионов — 15 миллионов сейчас — одна копейка с третью. Я говорил ему: «не надо, не надо», он долго искал в кармане — взял у меня сто рублей и дал мне 85 мил. сдачи.

25 ноября. . . . Я < . . . > по дороге зашел к Ахматовой. Она лежит, — подле нее Стендаль «De l'amour». Впервые приняла меня вполне по душе. «Я, говорит, вас ужасно боялась. Когда Анненков мне сказал, что вы пишете обо мне, я так и задрожала: пронеси, господи» ¹¹². Много говорила о Блоке. «В Москве многие думают, что я посвящала свои стихи Блоку.

ено, переплетено, сшито, сколько тут бабushек, тетушек, нянюшек. Почерк совсем другой — и весело, весело. А карточки трагичны. Особенно та, где Блок отвернулся от стола — от всех — Лермонтовым, и глядит со страхом вперед; и даже по детским карточкам видно, что бунтарь. Руки очень самостоятельно — в детстве. Марья Андреевна стала читать мне свою рукопись, там, конечно, нет и догадки, кто такой Блок, там мирный и банальный Са-ша, любимец, баловень, а не «Ночные часы» ¹¹⁰. Интересно только, как он посдирали платья с гвоздей, чуть его заперли в чулан — да и то анекдот. О, какое страшное лицо у него на балконе, на Пряжке! Тетка об этом не знает ничего. И все чувствуется какое-то замалчивание — замалчивается роль Любовь Дмитриевны, замалчивается та тягость, которую наложила на Блока семья, замалчивается сам Блок. Про Любовь Дмитриевну она сказала: «Люба сюда своего портрета не дает (в альбом). Она хочет остаться в тени. (Помолчав) Такая скромность!» < . . . >

Это неверно. Любить его как мужчину я не могла бы. При том ему не нравились мои ранние стихи. Это я знала — он не скрывал этого. Как-то мы с ним выступали на Бестужевских курсах — я, он и, кажется, Николай Морозов ¹¹³. Или Игорь Северянин? Не помню. (Потому что мы два раза выступали с Блоком на Бестужевских: раз — вместе с Морозовым, раз — вместе с Игорем. Морозова тогда только что выпустили из тюрьмы. . .) И вот, в артистической — Блок захотел поговорить со мной о моих стихах и начал: «Я недавно с одной барышней переписывался о ваших стихах». А я дерзкая была и говорю ему: «Ваше мнение я знаю, а скажите мне мнение барышни. . .» Потом подали автомобиль. Блок опять хотел заговорить о стихах, но с нами сел какой-то юноша-студент. Блок хотел от него отвязаться: «Вы можете простудиться», — сказал он ему (это в автомобиле простудиться!) — «Нет! — сказал студент, — я каждый день обливаюсь холодной водой. . . Да если бы и простудился — я не могу не проводить таких дорогих гостей!» Но, конечно, не знал, кто я. «Вы давно на сцене?» — спросил он меня по дороге.

9 декабря 1923. Был вчера у Клячко ¹¹⁴. < . . . > От него к Монахову. Монахов ласков, красив, одет джентльменски. < . . . > Предлагает мне принять участие в их сборнике «Блок и Большой театр». . . ¹¹⁵. К пятилетию театра. Я согласен, но хочу опросить актеров, какие имеются у них матерьялы.

11 декабря, вторник. Был в Большом театре — разговаривал с актерами о Блоке ¹¹⁶. Они обожали покойного, но, оказывается, не читали его. Комаровская ¹¹⁷ вспоминает, что Блок любил слушать цыганский романс «Утро седое», страстно слушал это «Утро» в Москве у Качалова, но когда я сказал, что у Блока у самого были стихи «Седое утро», было видно, что она слышит об этом в первый раз.

1931 год

8. XII. Много нового в Ленинграде: московские газеты стали получаться в день своего появления, на Невском перекрашены почти все официальные здания: каланча стала красной, среднее здание Аничковского дворца темнозеленым (прежде оно было бурое и окружено забором — так что его и не замечали, а теперь забор снят, и оно явилось во всей красоте), дом № 86, тот самый, где был некогда «паноптикум печальный», описанный Блоком ¹¹⁸, стал из желтого бирюзовым (что тоже послужило к его украшению) < . . . > у всех домов оторваны крылечки, навесы над дверьми и т. д. В числе прочих пропало то крылечко в доме Мурузи, где в 1919 году сидел Блок перед тем, как читать в нашей «Студии» свое «Возмездие».

1956 год

25 декабря. . . . Пишу о Блоке. Отношения наши долго не налаживались. Я не любил многих, с кем он так охотно водился: расхлябанного, бесплодного и ложно многозначительного Евгения Иванова, бесцветного, моветонного Георгия Чулкова, бесталанного Александра Гиппиуса, суховатого педанта Сюннерберга, милого, но творчески скудного Пяста и т. д. На Георгия Чулкова я напал в «Весах» как на воплощение бездарной «символочи», компрометирующей символизм. Статья эта в 1904—5 гг. возмутила Блока ¹¹⁹, а в 1919 году он говорил мне, что вполне с ней согласен. И хотя мы очень часто встречались в Териоках, где был Стар<врзб.> Теомир, у Мгеброва и Чека ¹²⁰, у Руманова (в «Русском Слове») на Морской, у Ремизова в «Вене», у «Лейнера», у Вяч. Иванова, у Аничковых ¹²¹, мы встречались, как чужие: я — от робости, он от пренебрежения ко мне. В театре нам случилось сидеть рядом в партере — как раз в тот день, когда был

напечатан мой фелъетон. Он не разговаривал со мной, когда же я спросил его о фелъетоне, он укоризненно и гадливо сказал:

— Талантливо, — словно это было величайшее ругательство, какое только известно ему.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Григорий Спиридонович *Петров* (1868—1925) — священник, автор книг «Евангелъе как основа жизни». «Русское дело», «Школа и жизнь»; печатал либеральные статьи в газете «Русское слово», его портрет написал И. Е. Репин. В свое время им очень увлекался М. Горький.

² Константин Эдуардович *Гибшман* (1884—1943), актер; вместе с Л. Д. Блок выступал в театре-казино курорта Териоки. К. Чуковский жил тогда неподалеку от Териок, в Куоккале (ныне—Ренино) и часто бывал в териокском театре.

³ 1 октября 1917 г. Блок писал жене: «Сегодня, покупая у Вольфа книги, я встретил Евреинова, который мне рассказал, что ты имела большой успех, когда пела частушки, а потом их распевали в Куоккале. А ты мне этого и не рассказала» (ЛН, т. 89, с. 333).

⁴ В 1918 г. за свою поэму «Двенадцать» Блок подвергся бойкоту со стороны Д. С. Мережковского и З. Н. Гиппиус, которые чернили его в печати и прервали с ним личные отношения. Впоследствии З. Н. Гиппиус очень сходными словами описала ту же встречу с Блоком, о которой она говорила Чуковскому: «Как-то в трамвае. Кто-то встал в проходе и говорит: «Здравствуйте». Этот голос ни с чьим не смешаешь. Поднимаю глаза: Блок. Лицо под фуражкой какое-то длинное, сухое, желтое, темное. «Подадите мне руку?» медленные слова, так же с усилием произносимые, такие же тяжелые. Я протягиваю ему руку и говорю: «Лично да, только лично — не общественно». Он целует руку и, помолчав: «Благодарю вас». Еще помолчав: «Вы, говорят, уезжаете?» На что я отвечаю: «Что же, — тут или умирать или уезжать. Если, конечно, не быть в вашем положении. . .» Он молчит долго, потом произносит особенно мрачно и отчетливо: «Умереть во всяком положении можно». Прибавляет вдруг: «Я ведь вас очень люблю». На что я: «Вы знаете — что и я вас люблю».

Вагон давно прислушивается к странной сцене. Мы не стесняемся, говорим громко, при общем молчании. Не знаю, что думают слушающие. . .» (цит. по кн.: «Судьба Блока». По документам, воспоминаниям, письмам, заметкам, дневникам, статьям и другим материалам составили О. Немировская и Ц. Вольпе. Изд-во писателей в Ленинграде, 1930, с. 224).

⁵ Из этого «собрания знаменитых писателей» в наши дни не очень знамениты писатели Виктор Васильевич *Муйжель* (1880—1924) и Юрий Львович *Слезкин* (1895—1947). Журналист Илья Моисеевич *Эйзен* — бывший редактор «Нивы».

⁶ См. п. 5, прим. 4.

⁷ «В сентябре 1918 г. Горький основал в Петрограде издательство «Всемирная литература». Руководить этим издательством должна была «ученая коллегия экспертов». . .» Блок вместе с двумя профессорами-германистами ведал германскую словесность» (К. Чуковский. Современники, с. 126).

⁸ Речь идет о союзе деятелей художественного слова. Союз был организован в Петрограде в начале 1919 г. Его первым председателем был В. В. Муйжель.

⁹ См. «Отзывы о поэтах» (VI, 333).

¹⁰ См. «Гейне в России» (VI, 116).

¹¹ Запись К. Чуковского интересно сопоставить с записью, сделанной тогда же и о том же в Дневнике Блока:

26 марта.

Вчера — большой день. Я прочел доклад о Гейне (положение дела с переводами его), затронув в нем тему о крушении гуманизма и либерализма (во «Всемирной литературе»). Горький предлагает заменить слово «либералы» словом «нигилисты». Он делает это предложение со своей милой сконфуженной улыбкой (присутствие профессоров).

Ожесточенно нападает Вольфский, который указывает, между прочим, на путаницу в терминологии (исконное, знакомое мне).

Левинсон ехидно спрашивает, не виноват ли Тургенев. Я утверждаю, что первый виноват Тургенев. «И Герцен?» — спрашивает Горький. — И Герцен.

Горький говорит большую речь о том, что действительно приходит новое, перед чем гуманизму, в смысле «христианского отношения» и т. д., придется временно ступежаться. «Или надо доходить до святости» или уступать. Он переводит вопрос на излюбленную свою тему этих дней (еще на днях он сказал: «Все равно — придет мужик и всем головы отвинтит») — о борьбе деревни с городом. Ссылается на съезды бедноты. Говорит, что предстоит отчаянная борьба деревни с городом, в которой не поздороится не только капиталистам, но и писателям и артистам. В заключение говорит мне с той же милой улыбкой: «Между нами — дистанция огромного размера, я — бытовик такой, но мне это понятно, что вы говорите, я нахожу доклад пророческим, извинюсь, что говорю так при вас».

«Но ведь вы говорите, Алексей Максимович, что гуманизм должен ступежаться временно», — с удовлетворением и в один голос спрашивают профессора.

Горький на это ничего не отвечает.

Волынский говорит, что он находит доклад не только не пророческим, но близоруким. Батюшков, мрачно молчавший, говорит, что он, конечно, не согласен, но что он надеется, что разногласия — только в терминах.

Тихонов молчит.

Браун находит интересным мое сближение Гейне с Вагнером. Упоминает о доле правды в докладе.

Гумилев говорит, что имеет много сказать, и после закрытия заседания развивает мне свою теорию о гуннах, которые осели в России и след которых историки потеряли. Совдепы — гунны.

Чуковский сочувствует мне с маленьким выжиданием.

Горький предлагает посвятить этому вопросу отдельное заседание.

Я высказываю опасение, что это — превратится в религиозно-философское собрание, в интеллигентский спор об «интеллигенции и народе».

Горький полагает, что интеллигенция сильно изменилась и что доклад произведет новое действие.

Левинсон осторожно ехидствует, что сопоставление имен ему пока ничего не сказало и потому он воздерживается от суждения.

Доклад назначен на 2 апреля» (VII, 355).

М. Горький в своих воспоминаниях о Блоке, опубликованных впервые в 1923 г., так пишет об этом споре по поводу «крушения гуманизма»: «... Я вышел вместе с ним (Блоком) из «Всемирной литературы», он спросил меня: что я думаю по поводу его «Крушения гуманизма?»

Несколько дней тому назад он читал на эту тему нечто вроде доклада, маленькую статью. Статья показалась мне неясной, но полной трагических предчувствий. Блок, читая, напоминал ребенка сказки, заблудившегося в лесу: он чувствует приближение чудовищ из тьмы и лепечет навстречу им какие-то заклинания, ожидая, что это испугает их. Когда он перелистывал рукопись, пальцы его дрожали. Я не понял: печалит его факт падения гуманизма или радуется? В прозе он не так гибок и талантлив, как в стихах, но — это человек, чувствующий очень глубоко и разрушительно. В общем: человек «декаданса». Верования Блока кажутся мне неясными и для него самого; слова не проникают в глубину мысли, разрушающей этого человека вместе со всем тем, что он называет «разрушением гуманизма».

Некоторые мысли доклада показались мне недостаточно продуманными, например: «Цивилизовать массу невозможно и не нужно». «Открытия уступают место изобретениям».

XIX и XX века именно потому так чудовищно богаты изобретениями, что это эпоха наибольшей и величайшей открытий науки. Говорить же о невозможности и ненужности цивилизации для русского народа — это, очевидно, «скифство», — и это я понимаю как уступку органической антигосударственности русской массы. И зачем Блоку «скифство»?

Как только мог осторожно, я сказал ему об этом. Говорить с ним — трудно: мне кажется, что он презирает всех, кому чужд и непонятен его мир, а мне этот мир — непонятен» (М. Горький. Литературные портреты. М., «Мол. гвардия», 1963, с. 369).

Позже, в 1926 г., Горький, возвращаясь мысленно к докладу Блока, писал Федину: «Гуманизм в той форме, как он усвоен нами от Евангелия и священного писания художников наших о русском народе, о жизни, этот гуманизм — плохая вещь, и А. А. Блок, кажется, единственный, кто чуть-чуть не понял это» (М. Горький. Собр. соч. в 30 томах. М., ГИХЛ, 1955, т. 29, с. 456).

¹² Аким Львович Волынский (1863—1926) — критик, философ, за книгу о Леонардо да Винчи был избран почетным гражданином города Милана. В коллегии «Всемирной литературы» А. Л. Волынский ведал итальянской словесностью. Вспоминая Волынского, К. А. Федин писал: «В прошлом он мог бы быть пророком, в наше время он был философом. <...> Человек огромных знаний, Волынский в любом понятии отыскивал противоречие, легко вскрывал его и с энтузиазмом выступал в защиту своей мысли. <...> Каждое выступление Волынского — в печати, в обществе, в кругу знакомых было спорно. Но он — Волынский — был всегда прав, потому что он всегда верил в свою правоту» (К. Федин. Аким Львович Волынский. — В сб.: «Памяти А. Л. Волынского». Л., 1928, с. 30). А. Гизетти пишет: «Помню, например» контр-доклад Волынского, прочитанный непосредственно за знаменитым «Крушением гуманизма» А. А. Блока, на частном собрании сотрудников «Всемирной литературы» в квартире А. Н. Тихонова. Это была стройная и систематическая защита гуманистической культуры против страстного натиска «музыкальной» стихии. Представители двух крайних поколений русского эстетического новаторства столкнулись тут в непримиримой противоположности. Холодный и острый ум идеалиста-догматика блестяще, но тщетно пытался заковать в свои формулы неуловимый поток прозрений страстного поэта-визионера. Чувствовалось, что каждый из этих двух людей знает что-то такое, чего другой не предчувствует и даже не хочет знать. Несмотря на это, между ними была и глубокая общность — дух скитальчества, дух вечно отрекающейся и бунтующей русской интеллигенции одинаково коснулся обоих» (там же, с. 79).

¹³ Среди участников этого заседания, кроме М. Горького, А. Блока, Н. Гумилева, А. Н. Тихонова (Серебрява), — профессор Федор Дмитриевич *Батюшков* (1857—1920) — историк литературы и критик; Федор Дмитриевич *Браун* (1862—1942) — филолог-германист; Андрей Яковлевич *Левинсон* (1887—1933) — художественный и театральный критик, занимавшийся во «Всемирной литературе» французской словесностью; Николай Осипович *Лернер* (1877—1934) — историк литературы, пушкинист и Григорий Леонидович *Лозинский* (1889—1942) — переводчик, специалист по португальской литературе, ведавший в коллегии «Всемирной литературы» испанской словесностью.

¹⁴ Институт истории искусств был основан графом Валентином Плагониным Зубовым (1885—1969) и до 1920 г. носил его имя.

¹⁵ Сохранились дневниковые записи Блока, сделанные в феврале 1918 г.: «Страшная мысль этих дней: не в том дело, что красногвардейцы «не достойны» Иисуса, который идет с ними сейчас, а в том, что именно Он идет с ними, а надо, чтобы шел Другой» (VII, 326). И еще: «Христос с красногвардейцами». Едва ли можно оспорить эту истину, простую для людей, читавших Евангелие и думавших о нем» (VII, 330).

¹⁶ *Вл. Азов* — псевдоним Владимира Александровича *Ашихиза* (р. 1873), фельетониста, театрального критика, переводчика. Среди его статей были и статьи о Блоке.

¹⁷ Этот случай подробно описывает в своей книге С. М. Алянский (1891—1974), организатор издательства «Алконост», человек близкий к Блоку в последние годы его жизни. Об С. М. Алянском см. статью С. В. Белова в настоящем томе. Праздновался юбилей «Алконоста» — девять месяцев со дня основания издательства. Петербург был тогда на осадном положении и ходить по улицам позже установленного часа не разрешалось. Ночные патрули заглядывали иногда и в квартиры. Блок, Белый, Анненков и Соловьев засиделись на юбилее и, так как возвращаться домой было поздно, прикорнули у стола. Неожиданно в квартиру постучался патруль. По рассказу Алянского, с патрулем приходил комендант Петрограда. Узнав, что среди гостей — автор «Двенадцати», Александр Блок, комендант с досадой спросил Алянского: «А Александра Блока неужели вы не смогли уложить куда-нибудь?» (С. Алянский. Встречи с Александром Блоком. М., «Детская литература», 1969, с. 97).

¹⁸ Роберт Саути (Southey) (1774—1843) — английский поэт. Издательство «Всемирная литература» намеревалось издать две серии произведений мировой литературы — основную и народную.

¹⁹ Речь идет о балладах Саути «Варвик» и «Суд божий над епископом», переведенных В. А. Жуковским. Епископ Гаттон — персонаж второй баллады. В библиотеке Корнея Чуковского сохранился первый том «Полного собрания сочинений В. А. Жуковского» (Пг., 1918), в котором напечатаны переводы обеих баллад Саути.

²⁰ Художник Юрий Павлович *Анненков* (1889—1974) — первый иллюстратор «Двенадцати» Блока. Ю. П. Анненкову принадлежит также марка издательства «Алконост» и рисунки к «Мойдодуру». В 1922 г. в издательстве «Петрополис» вышла книга Ю. Анненкова «Портреты», где на с. 57 воспроизведен портрет Чуковского. В библиотеке Чуковского хранится именной экземпляр «Портретов», а в архиве обнаружено предисловие Ю. Анненкова к «Портретам»; все оно написано рукой Корнея Ивановича. Ю. Анненков деятельно сотрудничал в «Чукоккале», на страницах которой сохранилось множество его рисунков. Подготавливая свой рукописный альманах к печати, Чуковский написал об Ю. Анненкове небольшое эссе («Чукоккала», с. 34—33) и включил в издание изображения некоторых участников «Чукоккалы» из книги Ю. Анненкова «Портреты».

²¹ По свидетельству П. С. Сухотина, Блок осуществил свое намерение: «Я... попал в уютную квартиру Блока, за маленький стол с самоваром, черным хлебом, маслом и большой грудой папирос, которыми особенно старательно угощал меня Александр Александрович, говоря:

— Курите, курите, у меня их очень много, теперь я продаю книги, и вот, видите, и масло, и папиросы. Я утешаюсь тем, что многое в наших библиотеках было лишнее и заводилось так себе — по традиции.

И сказал он это без всякого раздражения или злости, а тоже почти весело» (Павел Сухотин. Памяти А. А. Блока. — «Красная нива», 1924, № 32).

О том, что Блок нуждался и ему приходилось продавать книги из своей библиотеки пишет и С. Алянский («Встречи с Александром Блоком», с. 126).

²² Академик Василий Михайлович *Алексеев* (1881—1951), китаист, член коллегии «Всемирной литературы». О Батюшкове и Лернере см. прим. 13, о Сазонове — п. 5, прим. 5.

²³ Вацлав Вацлавович *Воровский* (1871—1923), революционный деятель, дипломат, литературный критик, первый руководитель Госиздата, созданного в мае 1919 г.

Переписка Горького с Воровским по поводу издательства «Всемирная литература» теперь опубликована (см.: «Ист. архив», 1958, № 2, с. 67, а также: «Архив М. Горького». т. X, кн. 1. М., «Наука», 1964, с. 7—21).

В своем письме от 26 апреля 1919 г. Горький утверждает, что «Всемирная литература» — «это самое крупное и действительно культурное предприятие, которое она [власть] может осуществить». И в следующем письме (21 мая 1919 г.): «Нам нужно создавать новую интеллигенцию. Орудием ее создания может быть только книга».

²⁴ «Всемирная литература» выпустила в 1920-м году пятый том «Избранных сочинений Г. Гейне» под редакцией и с предисловием Блока. В этот том вошли «Путевые картины»

(часть первая и вторая) и мемуары. Шестой том Гейне под редакцией Блока вышел в 1922 г.

²⁵ См. «Крушение гуманизма» (VI, 93). Блок прочел этот доклад на открытии Вольной философской ассоциации, а до этого — 9-апреля 1919 года — в коллегии «Всемирной литературы», где Чуковский и слышал его впервые.

²⁶ См. п. 5, прим. 4 и 7.

²⁷ «Секция исторических картин ставила своей целью побудить русских драматургов писать пьесы по определенному плану для просвещения широких читательских масс. Пьесы заимствовались по большей части из всемирной истории», — вспоминал Чуковский («Чукоккала», с. 204). Описывая одно из заседаний Секции, на котором Александр Валентинович Амфитеатров прочитал свою пьесу «Васька Буслаев», Чуковский рассказывает о пародии Блока на «Исторические картины». Эта пародия сохранилась в «Чукоккале» (с. 206—210). Воспроизводим ее начало на с. 342.

²⁸ Членам коллегии «Всемирной литературы» поручено было выработать список ста лучших русских книг, которые предполагалось выпустить в «Издательстве З. И. Гржебина» в первую очередь. Обсуждение этого списка см. в Дневнике Чуковского (запись 27-го ноября 1919 г.).

²⁹ К этому времени издательство «Всемирная литература» переехало с Невского, 64, на Моховую, 36.

³⁰ Об участниках заседаний коллегии «Всемирной литературы» Батюшкове, Брауне, Волыском, Левинсоне, Лернере, Лозинском см. прим. 13. Академик Сергей Федорович Ольденбург (1863—1934) ведал в издательстве индийской литературой, профессор Евгений Максимович Браудо (1882—1939) — критик и музыковед. Борис Павлович Сильверсман (1883—1934) — литературовед, специалист по скандинавским литературам. О Е. П. Струковой см. п. 5, прим. 3.

³¹ 19 ноября 1919 года на Невском, в бывшем дворце петербургского богача Елисеева состоялось заседание по открытию «Дома искусств» («Чукоккала», с. 247).

³² Шуточный протокол этого заседания вел Александр Блок. Текст Блока воспроизведен на с. 330, 331.

³³ Василий Иванович Немирович-Данченко (1844—1936) — писатель. Чуковский и Немирович были знакомы издавна. В 1916 г. оба они ездили в Англию в составе делегации русских журналистов.

³⁴ Статья называется «Памяти Леонида Андреева». По-видимому, Чуковский имеет в виду такую фразу в этой статье: «Но была в нем <в Леониде Андрееве> эта драгоценная, непочатая, хаотическая, мутная глубь, из которой кто-то, в нем сидящий, спрашивал: «Зачем? Зачем? Зачем?» и бился головой о стену большой, модно обставленной, постылой хоромины, в которой жил известный писатель Леонид Андреев, среди мебели нового стиля» (VI, 133).

³⁵ Речь идет о пьесе Блока «Рамзес» (Сцены из жизни древнего Египта) (IV, 247).

³⁶ После выхода книги «Из воспоминаний» (1959) К. Чуковский получил письмо от сына Д. С. Левина — Юрия Давидовича, кандидата филологических наук. Ю. Д. Левин сообщил: «Давид Самойлович Левин (1891—1928) был заведующим хозяйственным отделом издательства «Всемирная литература» <...> Обеспечение сотрудников «Всемирной литературы» дровами, равно как и удовлетворение их прочих бытовых нужд, являлось *служебной обязанностью* Д. С. Левина. В этом отношении он помогал А. М. Горькому <...> После смерти Александра Александровича мой отец с огромными трудностями достал гипс, благодаря чему только и удалось снять маску с лица умершего поэта». К письму Ю. Д. Левина, в котором указаны и размеры альбома отца (21×14 см, толщина 3 см), приложена его статья «Поэты о дровах». Статья вместе с письмом хранится в архиве Чуковского (ГБЛ, ф. 620). В сокращенном виде она опубликована: «Прометей», т. 4, «Мол. гвардия». М., 1967. Приводим стихи Блока:

E n j a m b e m e n t s

Давид Самуилович! Едва

Альбом завели, — голова

Пойдет у Вас кру́гом: не раз и не два

Здесь будут писаться слова:

«Дрова».

21 XI 1919

Ал. Блок

³⁷ Как раз в это время Горький опубликовал воспоминания о Льве Толстом (Пб., изд-во Гржебина, 1919). Однако там не говорилось ни о Слепцове, ни о «стеженном одеяле». Переиздавая эти воспоминания в 1921 и 1922 гг., Горький дополнил их таким отрывком: «... Увлечательно рассказывая о стоицизме, он <Толстой> вдруг нахмурился, почмокал губами и строго сказал:

— Стеганое, а не стежаное; есть глаголы стегать и стяжать, а глагола стежать нет. . .

Эта фраза явно не имела никакого отношения к философии стоиков. Заметив, что я недоумеваю, он торопливо проианес, кивнув головой на дверь соседней комнаты:

— Они там говорят: стежаное одеяло!» (цит. по кн.: М. Горький. Собр. соч. в 25 томах, т. 16. М., «Наука», 1973, с. 271 (гл. XXI); то же издание. Варпаны, т. 4. М., 1976, с. 390).

В одной из своих статей о Слепцове Чуковский, описывая это заседание «Всемирной литературы», называет тот рассказ Слепцова, который хвалил Лев Толстой. Чуковский приводит слова Горького: «— А его (В. Слепцова. — Е. Ч.) «Ночлеги! Отличная вещь, очень густо написанная. Скольким раз перечитывал ее Лев Николаевич. И всегда с восхищением. А про сцену на печи он сказал: «Похоже на моего «Поликушку», только у меня хуже»». (К. Чуковский. Литературная судьба Василия Слепцова, в кн.: ЛН, т. 71, с. 7).

³⁸ Елена Ивановна Вельтман (урожд. Кубе, ум. 1868) — писательница. Горький, очевидно, имеет в виду исторический роман Ел. Вельтман «Приключения королевича Густава Ириковича, жениха царевны Ксении Годуновой». Роман был опубликован в 1867 г. в «Слественных записках» (см. т. CLXX, с. 1—76; 215—297; 413—493; 605—705, т. CLXXI, с. 1—81).

³⁹ Стихи Блока «О розе, капусте и Брюсове» были ответом на шуточное стихотворение Чуковского в «Чукоккале»:

За жалкие корявые поленья,
За глупые сосновые дрова —
Вы отдали восторги вдохновенья
И вещи бессмертные слова.

Ты ль это, Блок? Стыдись! Уже не роза,
Не Соловьиный сад,
А скудные дары из Совнархоза
Тебя манят.

Поверят ли влюбленные потомки,
Что наш магический, наш светозарный Блок
Мог променять объятья Незнакомки
На дровяной паек. <...>

22 ноября 1919

К. Ч.

Ответное стихотворение Блока, о котором идет речь в Дневнике, называется «Чуковскому». В первой строке Блок подменяет романтическую розу, упомянутую Чуковским, другой Розой, вполне реальной — Розой Васильевной, продававшей папиросы и хлебные лепешки на лестнице издательства «Всемирная литература». В собрании сочинений Александра Блока стихотворение «Чуковскому» названо «Стихи о Предметах Первой Необходимости» (III, 426). Факсимиле стихотворения «Чуковскому» (из «Чукоккалы») см. с. 333.

⁴⁰ Строчка о Брюсове: «Книг чтоб не было в шкапу ста! // Скажет Брюсов, погоди».

⁴¹ Слова Блока, записанные Чуковским, совпадают с тем, что пишет Блок 17 февраля 1918 г.: «Люба сочинила строчку: «Шоколад Миньон жрала», вместо ею же уничтоженной «Юбкой улицу мела» (ЗК, 388).

⁴² Автограф стихотворения Блока, подаренного Чуковскому, см. кн. 1, с. 524. Эти шуточные стихи Блока опубликованы без второй строфы и без блоковского примечания к ней (III, 427). Более полный вариант стихотворения см. «Русский современник», 1924, № 3, с. 145.

⁴³ Петр Иванович Нерадовский (1875—1962) — художник, хранитель художественного отдела Русского музея (1909—1932), председатель комитета Общества поощрения художеств (1921—1928).

⁴⁴ Степан Петрович Яремич (1869—1939) — художник, историк искусства, автор книги о М. А. Врубеле (1911), научный сотрудник Эрмитажа (1918—1939).

⁴⁵ Варвара Васильевна Шайкевич — жена А. Н. Тихонова.

⁴⁶ В октябре 1922 г. Г. П. Блок (двоюродный брат Александра Александровича) писал Б. С. Садовскому: «С В. Л. «Комаровичем» посылаю Вам Лермонтова гржебинского под редакцией А. Александра» А. Александровича». Горький, любя «просвещение», потребовал подстрочных примечаний, объясняющих иностранные слова. А. А-ч выписывал их добросовестно, а потом видно разгорелся и катанул:

Лорнет — вроде очков, только с ручкой
Платоническая любовь — без взаимности
Sophie — Соня».

(Текст письма Г. П. Блока сообщил мне Р. Д. Тименчик. — Е. Ч.)

⁴⁷ Александр Евгеньевич Ферман (1883—1945) — академик, геохимик и минералог, ученик В. И. Вернадского, в 1919—1930 гг. — директор Минералогического музея Академии наук. Сергей Федорович Ольденбург — академик, в те годы — неприменный секретарь Российской Академии наук. См. о нем прим. 30. Альберт Петрович Линкевич (1883—1933) — профессор, педагог. 21 мая 1919 г. в письме к Воровскому Горький сообщает, что среди других пригласил и А. П. Линкевича для организации отдела естественных наук книг («Исторический архив», 1958, № 2, с. 77).

⁴⁸ Герберт Джордж Уэллс (1866—1946) — английский писатель. Уэллс переписывался с Горьким и 11 февраля 1920 г. написал ему, что посылает начало своей «Истории куль-

туры» — несколько печатных выпусков. Уэллс спрашивал, можно ли опубликовать перевод этой его книги в России. Впоследствии книга действительно вышла по-русски под названием «Краткая история человечества» (М. — Л., 1924).

⁴⁹ Владимир Казимирович *Шаагёко* (1891—1930) — филолог-востоковед, ассириолог, в то время — муж Анны Ахматовой.

⁵⁰ См.: Анна Ахматова. Воспоминания об Александре Блоке. — «Звезда», 1967, № 12, с. 186; Д. Максимов. Ахматова о Блоке. — Там же; В. И. Жирмунский и И. Анна Ахматова и Александр Блок. — «Русская литература», 1970, № 3, с. 57.

⁵¹ Борис Александрович *Садовской* (1881—1952) — поэт, «автор рассказов и очерков из жизни старинных писателей» («Чукоккала», с. 71). «Шар раскаленный золотой» — III, 200. В настоящем томе см. переписку Блока с Б. А. Садовским.

⁵² Строки из стихотворений Блока «Зачатый в ночь, я в ночь рожден...» и «Жизнь моего приятеля», 6 (II, 130; III, 51).

⁵³ Вечер Блока в Доме искусств состоялся 21 июня (ЗК, 495).

⁵⁴ Разговор с Голдичером на вечере у Бразы подробно записан в Дневнике Блока. В частности, Блок пишет: «Вечер состоял в том, что мы «жаловались», а он спорил против всех нас. «Не желайте падения этой власти, без нее будет еще гораздо хуже» (VII, 381).

⁵⁵ В своих воспоминаниях о Блоке Горький рассказывает об их разговоре в Летнем саду, по дороге с какого-то заседания. Блок сказал ему: «Вы прячетесь. Прячете Ваши мысли о духе, об истине. Зачем?» И еще: «Что думаете вы о бессмертии, о возможности бессмертия?» Горький пишет о том, как он ответил Блоку на его вопросы (М. Горький. Литературные портреты, с. 370). В словах Блока, которые записал Чуковский, явственно слышны отзвуки этого разговора.

⁵⁶ Речь идет о Лиле Юрьевне Брик (1891—1978).

⁵⁷ Виктор Петрович *Буренин* (1841—1926) — поэт, публицист. Характеризуя Буренина, Чуковский писал о нем: «Буренин в молодости был радикалом. Сотрудничал в «Колоколе» Герцена, в «Искре» Курочкина и в «Свистке» Добролюбова. В семидесятых годах он стал ренегатом, перешел в реакционный лагерь и в качестве литературного критика сделал своей специальностью нападки на Михайловского, Чехова, Горького, Блока, Леонида Андреева и других писателей враждебного ему направления.

... Нападки были грубы и резки» («Чукоккала», с. 180). О стиле этих нападок можно судить по одной из пародийных пьес Буренина «Калоши на головах», где Блок упомянут как «Дуралей Клок», а те журналы, в которых он сотрудничал, именуются «модерн-бедам-декаданс-лубок-кабак». Буренин высмеивал стихи Блока и в своих «Критических очерках», регулярно печатавшихся в газете «Новое время».

⁵⁸ Евгения Федоровна *Книпович* (р. 1898), литературный критик, в те годы близкий человек в семье Блока.

⁵⁹ В первом издании поэмы «Двенадцать» (Пг., «Алконост», 1918), выпущенном тиражом 300 экземпляров, слово «ужь» напечатано с мягким знаком (см., напр., с. 63). В архиве Чуковского хранится нумерованный (62-й) экземпляр этого издания с дарственными надписями Александра Блока и Юрия Анненкова.

⁶⁰ Речь идет о стихотворении «Там, в ночной завывающей стуже...» (II, 81). 10-стих — «Разверзающий звездную месть» Блок заменил в 1915 г. словами: «А, что значит — не пить и не есть!». Строка о «звездной мести» осталась без изменения в статье «Безвременные» (V, 66). См. также Мемуарный очерк Е. Ф. Книпович в кн. 1 наст. тома.

⁶¹ Слова Блока, записанные Чуковским, по смыслу близки к тому, что пишет Блок в своем Дневнике. См. прим. 15.

⁶² Кроме поэтов, за столом «пушкинского празднества» сидели академики Анатолий Федорович *Кони* (1844—1927) и Нестор Александрович *Котляревский* (1863—1925) — первый директор Пушкинского Дома (1910—25); пушкинист Павел Елисеич *Щеголев* (1877—1931) — автор книги «Дуаль и смерть Пушкина» (1917); Михаил Петрович *Кристи* (1875—1956) — художник, искусствовед, член Коммунистической партии с 1898 г., уполномоченный Наркомпроса в Петрограде (1918—1926); Илья Иванович *Садовьев* (1889—1965), поэт.

⁶³ Петр Константинович *Губер* (1886—1941) — литературовед, автор книги «Дон-Жуанский список Пушкина» (1923); Николай Моисеевич *Волковисский* (1881—?) — литератор.

⁶⁴ Илья Иванович *Ионов* (1887—1942), в те годы — заведующий Петроградским отделением Госиздата. У Блока было несколько столкновений с Ионовым по поводу издания сборника «Седое утро», поэмы «Двенадцать» и III-го тома стихов. Об отношениях Блока с Ионовым и об их переписке см. статью: И. Чернов. Блок и книгоиздательство «Алконост». — В кн.: «Блоковский сб.», 4, с. 530.

⁶⁵ См.: «О назначении поэта» (VI, 160). Чуковский описывает второе выступление Блока в Доме литераторов. Первый раз Блок выступил там же с этой же речью 11 февраля.

⁶⁶ Мария Исаковна *Бриан* (1886—1965) — певица, лирическое сопрано. В 1912 г. Бриан окончила Петербургскую консерваторию по классу А. Жеребцовой-Евреиновой. В этом же году она впервые выступила на оперной сцене, исполнив партию Татьяны в «Евгении Онегине». В 1920 г. Бриан стала профессором Петроградской консерватории.

⁶⁷ Мстислав Валерианович *Добужинский* (1875—1957) — живописец, график, театральный художник, член объединения «Мир искусства». В 20-е годы издавал вместе с Чуковским, Эфросом и Замiatиным журнал «Дом искусств», выходивший под редакцией

Горького. Кроме того, Добужинский участвовал в организации выставок художников в «Доме искусств». Федор Федорович *Нотгафт* (1886—1942) — коллекционер картин художников, принадлежавших к кругу «Мира искусства». В 20-х годах — хранитель в Эрмитаже и один из руководителей издательства «Аквилон».

О посещениях в эти дни Лавки писателей упоминает Блок в последних своих чукоккальских стихах: «Как всегда были смутны чувства // Таял снег и Кронштадт палил // Мы из лавки Дома искусства // На Дворцовую площадь шли...» («Чукоккала», с. 224).

⁶⁸ М. Ю. Лермонтов. Избр. соч. в 1 т. Редакция, вступ. статья и прим. Александра Блока. Изд-во З. И. Гржебина. Берлин—Петербург, 1921.

⁶⁹ Вечер Блока был устроен в зале Государственного Большого драматического театра под эгидой «Дома искусств». В «Чукоккале» (с. 284) сохранилось написанное рукою Блока заявление о гонораре.

⁷⁰ Моисей Соломонович *Наппельбаум* (1869—1958) — знаменитый фотограф. После вечера в Большом драматическом театре Наппельбаум там же сфотографировал Блока — и одного и вместе с Чуковским. Эти фотографии оказались в числе последних снимков Блока. Фотографию Блока вместе с Чуковским см. на с. 328.

⁷¹ Этому вечеру посвятил интересную главу в книге «Встречи с Александром Блоком» С. Алянских (с. 128).

В книге Ольги Форш «Сумасшедший корабль» дана гротескная зарисовка выступлений Чуковского и Блока на вечере. Автор не называет фамилий, именуя Чуковского — критиком, а Блока — Гаэтаном. Мы читаем: «На сцене извивался, выкручиваясь вокруг себя самого, как веревка на столбе гигантских шагов, высоченный человек. Он то прыдал на публику, весь изламываясь в позвоночнике, подобно червю-землемеру, то выбрасывал в своеобразном ритме одни длинные руки вперед, или вдруг он сжимался и весь делался меньше».

Этот памятный человек, талантливый критик и невыраженный поэт, с особым даром прошагивать в людей, факты и вещи, чтобы — мастерски кинув оценку, как дегустатор, тонкий отведчик вина, уйти ужом.

Трагедия его дара была в невозможности того созерцательного оцепенения, необходимого, чтобы зачатое лирически дало свой рост. Как нетерпеливый мальчик, освобождающий ранние сроки закутанный зеленью гиацинт, он спешил назвать, острить, сверкать, шуметь и спугивал птицу вдохновения, которая к нему, несомненно, прилетала. Потом, с тайной болью и внешней легкостью, он размашисто писал о ней — улетевшей.

Нет, это было не случайно и не раздражающе, как сетовали иные «корабельцы», что человек этот вышел дядькой при Гаэтане на похоронах романтизма. Был бессознательный вкус в том, как он путался, смущался и нес так явно не то, что предполагалось. Именно от этого косноязычия получилось живое — не «вступительное» слово на сорок пять минут, а волнующая по чувству и не находящая формы защита. Это было безнадежное и любовное разведение рук. Длинные простертые руки вслед уходящему романтизму.

А Гаэтан вышел не так <...> Его упирающегося вытаскили из-за кулис театра, и говорить ему так не хотелось. Он необычно долго для выступающего молчал, поглядывая вбок. Казалось, он соображает, возможно ли ему, даже не начиная, — уйти. <...>

Ему повелительно крикнули сверху и снизу:

— Скифы!. . Двенадцать!..

Он перебирал на месте ногами и молчал. Потом вздохнул и сказал:

— Стихи о России.

Но читать их не стал.

Требования из публики усилились. Он поднял голову. Притихли. Он сказал не то, что просили, не то, что выбрал сам, а из самого первого тома, о том, как пела девушка в церковном хоре, как корабли ушли в море, как никто не вернулся назад.

Голос был тверд и беззвучен. Таким говорят очередную речь над не слишком дорогим покойником. . .

Так он ходил на заседания, так он читал последнее время лекции, так носил за крепкой прямой спиной большой паек из Дома ученых. Так сейчас, будто бывший поэт, он отбывал перед людьми стихотворную повинность» (Ольга Ф о р ш. Сумасшедший корабль. Изд-во писателей в Ленинграде, 1931, с. 102—105).

Евгений Замiatин тоже подробно описывает вечер Блока в Большом драматическом театре: «Усталый голос Чуковского — речь о Блоке — и потом, освещенный снизу, из рампы, Блок — с бледным, усталым лицом. Одну минуту колеблется, ищет глазами, где встать, — и становится где-то сбоку столика. И в тишине — стихи о России. Голос какой-то матовый, как будто откуда-то уже издали — на одной ноте. И только под конец, после оваций — на одну минуту выше и тверже — последний взлет».

Какая-то траурная, печальная, нежная торжественность была в этом последнем вечере Блока. Помню, сзади голос из публики:

— Это поминки какие-то!

Это и были поминки Петербурга о Блоке. Для Петербурга — прямо с эстрады Драматического театра Блок ушел за ту стену, по синим зубцам которой часовой ходит смерть: в ту белую апрельскую ночь Петербург видел Блока в последний раз» (Евг. З а м я т и н. Из воспоминаний об А. Блоке. — «Русский современник», 1924, № 3).

⁷² Цикл стихотворений «Через двенадцать лет» посвящен Ксении Михайловне Садовской (1862—1925).

⁷³ По воспоминаниям С. Алянского: «В дороге Александр Александрович жаловался на боли в ноге. Желая отвлечь Блока, Корней Иванович занимал поэта веселыми рассказами, забавными историями и литературными анекдотами. Он знал их без конца. Блок много смеялся и, казалось, порой совсем забывал о болях.

Когда Блок вернулся в Питер, то первое, о чем он рассказал Любови Дмитриевне на вокзале, было — как мы ехали в Москву и как всю дорогу Чуковский заговаривал ему больную ногу веселыми рассказами и удивительными историями.

— И знаешь, — добавил он, — заговорил: я совсем забыл о ноге.

Есть дорога, по выражению Блока, прошла в «чуковском ключе» (С. А л я н с к и й. Встречи с Александром Блоком, с. 134).

⁷⁴ О П. С. Когане и жене его Н. А. Коган-Нолле см. статью в настоящей книге.

⁷⁵ Федор Евсеевич *Долидзе* (р. 1883) — устроитель театральных вечеров и лекций.

⁷⁶ В статье «Последние годы Блока» («Записки мечтателей», № 6, Пг., «Алконост», 1922, с. 162) Чуковский подробно описывает это выступление и цитирует те латинские стихи, которые Блок тогда прочитал. Это — эпитафия Полициана, вырезанная на могильной плите художника Фра Филиппо Липпи (ок. 1406—1469). Художник похоронен в Сполетском соборе. Перевод эпитафии Полициана входит в цикл «Итальянские стихи» (III, 121).

⁷⁷ С. Алянский вспоминает: «3 мая состоялся первый вечер Блока в Москве, в Политехническом музее, а 5 мая — там же второй. Я был на этих вечерах и видел, как Блок нервничал и волновался. Несмотря на громадный успех, сопровождавший оба вечера, поэт не чувствовал ни радости, ни удовлетворения, он жаловался на недомогание и крайнюю усталость» (С. А л я н с к и й. Встречи с Александром Блоком, с. 135).

После возвращения в Петроград Блок записывает в своем Дневнике: «Три вечера в Политехникуме (мой с Чуковским), устроенные Обловской с полным неуменьем, проходили с возрастающим успехом, но получали я гроши, кроме цветов, записок и писем» (VII, 418). В архиве Чуковского сохранилась афиша вечеров Александра Блока в Политехническом музее. Эта афиша воспроизведена на с. 343.

⁷⁸ В статье «Умер Александр Блок», написанной на смерть Блока и опубликованной 10 августа 1921 г., Маяковский вспоминал: «Я слушал его в мае этого года в Москве: в полупустом зале, молчавшем кладбищем, он тихо и грустно читал старые строки о цыганском пении, о любви, о прекрасной даме, — дальше дороги не было. Дальше смерть». (В. М. А я к о в с к и й. Собр. соч. в 12 томах. М., «Художественная литература», т. 2, 1939, с. 474).

⁷⁹ Александр Филиппович *Струве* (1874— ?) — автор стихотворных сборников, статей, брошюр. В 1909 г. Блок так отзывался об одной из его книг: «И по содержанию и по внешности — дряхлое декадентство, возбуждающее лишь отвращение. Таких книг в России мало кто не стыдился выпускать» (V, 647). В 1920—1921 гг. — зав. литературным отделом Московского губ. Пролеткульта.

⁸⁰ Михаил Андреевич *Осоргин* (1878—1942) — писатель, автор «Очерков современной Италии» (1913), в те годы — председатель Московского союза писателей.

⁸¹ Павел Павлович *Муратов* (1884—1951), искусствовед, писатель. Наиболее значительный труд — «Образы Италии» (т. 1—2, 1911—1912).

⁸² Б. Л. Пастернак в своей автобиографии «Люди и положения» («Новый мир», 1967, № 1, с. 214) пишет о московских выступлениях Блока. Его рассказ не во всем совпадает с записями Чуковского. Пастернак вспоминает: «Блоку я впервые представился в его последний наезд в Москву, в коридоре или на лестнице Политехнического музея, в вечер его выступления в аудитории музея. Блок был приветлив со мной, сказал, что слышал обо мне с лучшей стороны, жаловался на самочувствие, просил отложить встречу с ним до улучшения его здоровья.

В этот вечер он выступал с чтением своих стихов в трех местах: в Политехническом, в Доме печати и в Обществе Данте Алигьери, где собрались самые ревностные его поклонники и где он читал свои «Итальянские стихи».

На вечере в Политехническом был Маяковский. В середине вечера он сказал мне, что в Доме печати Блоку под видом критической неподкупности готовят «бенефис», разнос и кошачий концерт. Он предложил вдвоем отправиться туда, чтобы предотвратить задуманную низость.

Мы ушли с блоковского чтения, но пошли пешком, а Блока повезли на второе выступление в машине, и пока мы добрались до Никитского бульвара, где помещался Дом печати, вечер кончился, и Блок уехал в Общество любителей итальянской словесности. Скандал, которого опасались, успел тем временем произойти. Блоку после чтения в Доме печати наговорили кучу чудовищностей, не постеснявшись в лицо упрекнуть его в том, что он отжил и внутренне мертв, с чем он спокойно соглашался. Это говорилось за несколько месяцев до его действительной кончины».

⁸³ «Блок выступал 3 и 5 мая в Политехническом музее, 7 мая в Доме печати и Итальянской студии, 9 мая в Политехническом музее и Союзе писателей (в Доме Герцена)» (В. К а т а н и н. Маяковский. Литературная хроника. М., ГИХЛ, 1961, с. 149).

⁸⁴ О смерти Блока Чуковский узнал вдали от Петрограда, в «Холомках». Летом 1921 г. Чуковский вместе с художником Мстиславом Валериановичем Добужинским организовали (под эгидой Дома искусств) в Псковской губернии близ города Порхова, в имении князей Гагариных «Холомки» и в соседнем имении «Бельское устье» колонию для петро-

градских писателей и художников. Чуковский со всей семьей жил в Холомках и заканчивал свою «Книгу об Александре Блоке». Перед отъездом в Холомки, в середине июня, Чуковский писал Блоку: «Спасибо Вам за ласковое письмо. Я в деревне возьмусь по-новому за ту же свою древнюю тему — о Блоке. Теперь, когда у меня есть хронология Книпович, дело пойдет по-другому. Позвольте мне до осени сохранить у себя Ваши вырезки о Двенадцати и другие материалы, которые (как Вы знаете) у меня сберегаются свято».

⁸⁵ В Порхове Чуковский получил письма из Петрограда с известиями о последних днях Блока и о его кончине. Из этих писем два — опубликованы (К. Чуковский. Современники, с. 296; «Чукоккала», с. 295). В архиве Чуковского (ГБЛ, ф. 620) хранится письмо от Е. И. Замятина, написанное 8 августа, на следующий день после смерти Блока: «Вчера в половине одиннадцатого утра — умер Блок. <...> 7 августа 1921 года такой же невероятный день, как тот — 1837 года, когда узнали: убит Пушкин.

Я человек металлический и мало, редко кого люблю. Но Блока — любил, и вот — знать, что он умер — ну да что говорить.

Вас нет — и приютская наша жизнь! — удастся ли вызвать Вас, дойдет ли телеграмма? Похороны в среду, конец недели — вечер памяти Блока — как же без Вас?

Думал в понедельник (сегодня) начать хождения по выезду в Холомки, — теперь не до того: нет Горького, нет Чуковского — и мне пришлось устраивать разрешение переговоров о Блоке по прямому проводу с Москвой, и скульптора для маски, и проч..».

⁸⁶ Вильгельм Александрович Зоргенфрей (1882—1938) — поэт, переводчик.

⁸⁷ См. прим. 58.

⁸⁸ В конце 50-х годов в письме к Д. Е. Максимова Чуковский вспоминал: «Любовь Дмитриевна читала «12» отчаянно, с какой-то «погибельной» удалью, словно она причастна их страстям и безумиям. В ней (когда она выступала с чтением этих стихов) было что-то от Катки — и это привлекало Ал. Ал-ча. Однажды, когда она — в Доме искусств — закончила чтение и ушла в артистическую — Блок (не заметив, что в артистической нахожусь я) вошел туда и напирался к «Любе» с такими влюбленными, восторженными глазами, каких я никогда у него не видел. Сам он не читал «Двенадцати» — «у меня не выходит», — но «котчающее» чтение Люб. Дм. считал превосходным» (оригинал письма — в архиве Д. Е. Максимова, цит. по копии).

⁸⁹ Николай Иванович *Иорданский* (1876—1928) — публицист, с 1909 по 1917 г. редактор журнала «Современный мир»; Сергей Николаевич *Сергеев-Ценский* (1876—1958) — писатель; О. *Норвежский* (псевдоним Оскара Моисеевича Картожинского (р. 1882) — журналист, автор книги «Литературные силуэты» (Пб., 1909), где он пишет и о Блоке.

⁹⁰ Осип *Дымов* (псевдоним Осипа Исидоровича Перельмана, 1878—1959), писатель, журналист, драматург. Пьеса «Слушай Израиль» написана в 1907 г.

⁹¹ Ольга Афанасьевна *Глебова-Судейкина* (1885—1945) — актриса, жена художника С. Ю. Судейкина. Чуковский вспоминает: «У Ольги Афанасьевны был непогрешимый эстетический вкус. Помню те великолепные куклы, которые она, никогда не учась мастерству, так талантливо лепила из глины и шила из цветных лоскутков. Она была близка к литературным кругам. Я встречал ее у Сологуба; у Вячеслава Иванова — иногда вместе с Блоком, иногда — с Максимилианом Волошиным. Нарядная, обаятельно женственная, всегда окруженная роем поклонников, она была живым воплощением своей отчаянной и эротически-пряной эпохи» («Чукоккала», 136). Ахматова была издавна дружна с Судейкиной и жила у нее некоторое время после своего разрыва с В. К. Шилейко в 1921 г.

⁹² *Коля* (р. 1904) — сын К. Чуковского.

⁹³ Это либретто не дошло до нас. В статье «Анна Ахматова и Александр Блок» академик В. М. Жирмунский пишет: «В списке утраченных произведений, сохранившихся в библиографических записях Ахматовой, под № 1 упоминается либретто балета «Снежная Маска». По Блоку, 1921». («Русская литература», 1970, № 3, с. 74). Д. Максимов записал слова Ахматовой: «К сожалению, рукопись либретто не сохранилась, осталась только обложка» (1959). Цит. по ст.: Д. М а к с и м о в. Ахматова о Блоке. — «Звезда», 1967, № 12, с. 190.

⁹⁴ Артур Сергеевич *Лурье* (1892—1966) — композитор, близкий друг Ахматовой и Судейкиной. А. С. Лурье положил на музыку некоторые стихотворения из первых ахматовских сборников. Многие стихи Ахматовой обращены к А. Лурье.

⁹⁵ Вероятно, речь идет о стихотворении «А Смоленская нынче именинница». Стихотворение написано Ахматовой в 1921 г. на смерть Блока.

⁹⁶ Строки из стихотворения «Своими горькими слезами...» (II, 293).

⁹⁷ Речь идет о сказке Р. Киплинга «Слоенок», которую перевел Чуковский. Сказка вышла в издательстве «Эпоха» в 1922 г.

⁹⁸ Книжки о Некрасове К. Чуковского: «Жена поэта. (Авдотья Яковлевна Панаева)»; «Некрасов как художник» и «Поэт и палач. (Некрасов и Муравьев)». Издательство «Эпоха» выпустило их в 1922 г. в серии «Некрасовская библиотека».

⁹⁹ Строка из стихотворения «Клеопатра» (II, 207).

¹⁰⁰ В отличие от Сологуба, самому Чуковскому книжка временами казалась неудачной. Незадолго до ее выхода он писал М. М. Шкапской: «На днях я поднесу Вам прескверную книгу о Блоке. Она выходит, наконец, и я заранее ненавижу ее» (ЦГАЛИ, ф. 2182, оп. 1, ед. хр. 525).

¹⁰¹ Сологуб неверно истолковывает мысль Чуковского, который пишет: «...можно легко доказать, что чуть не в каждом своем стихотворении (речь идет о первой книге стихов. — Е. Ч.) Блок был продолжателем и как бы двойник тех немецких не слишком даровитых писателей, которые в 1798 и 1799 годах жили на берегу реки Заале, можно проследить все их влияния, отражения, веяния и написать весьма наукообразную книгу, в которой будет много эрудиции, но не будет одного: Блока. Ибо Блок, как и всякий поэт, есть явление единственное, с душой непохожей ни на чью, и если мы хотим понять его душу, мы должны следить не за тем, что он случайно похож на других, а лишь за тем, чем он ни на кого не похож. Лишь *его* течений, направлений, влияний, отражений, традиций, школ вскрывается нам творчество поэта» (К. Чуковский. Книга об Александре Блоке. «Эпоха», 1922, с. 44).

В одной из следующих фраз Сологуб сам опровергает свое неверное утверждение.
¹⁰² Сологуб, очевидно, имеет в виду ту часть книги, в которой Чуковский пишет о стихах Блока, посвященных России и о поэме «Двенадцать»: «Странно, что никто до сих пор не воспринял „Двенадцати“ как национальную поэму о России, как естественное завершение того цикла патриотических „Стихов о России“, который ныне в его третьем томе носит название „Родина“ и некогда был издан патриотическим журналом „Отечество“». Развивая свою мысль, Чуковский доказывает, что «звуковая основа» поэмы — это и русская, древняя, простонародная песня, и русский старинный романс, и русская солдатская частушка. Указав на многие национальные черты героев «Двенадцати», Чуковский продолжает: «...чем дальше мы всматриваемся, тем яснее для нас тот многозначительный факт, что в нынешней интернациональной России великий национальный поэт воспел революцию национальную» (К. Чуковский. Книга об Александре Блоке. «Эпоха», 1922, с. 118, 124).

¹⁰³ Такое мнение о Блоке Сологуб, видимо, высказывал не только Чуковскому. Так, Э. Ф. Голлербах в своих воспоминаниях о Сологубе пишет: «Снова повторил Федор Ксущич свою излюбленную мысль, что Блок ничего в России не понимал, что она была для него „запечатанной дверью“. — „Это была немецкая душа, германский гений, у которого с незапамятных времен постоянный Drang nach Osten“» (ГБЛ, ф. 453, карт. 1, ед. хр. 14).

¹⁰⁴ Григорий Борисович *Конусес* — детский врач, лечивший детей Чуковского.

¹⁰⁵ Николай Федорович *Монахов* (1875—1936) — драматический актер, с которым Блок соприкасался, работая в Большом драматическом театре. Чуковский вспоминает: «Особенно любил он Блок» Монахова. «Это великий художник, — сказал он мне во время поездки в Москву (в устах Блока то была величайшая похвала, которую может воздать человек человеку). — Монахов — железная воля. Монахов — это — вот» (и он показывал мне крепко сжатый кулак) (К. Чуковский. Современники, с. 291). В январе 1921 г., когда праздновалось двадцатипятилетие театральной деятельности Монахова, Блок обратился к нему с приветствием от лица Управления Большого драматического театра (VI, 420).

¹⁰⁶ В комедии итальянского драматурга К. Гольдони (1707—1793) Н. Ф. Монахов исполнял роль Труфальдино. Монахов говорил Чуковскому: «Люблю эту роль. Весело ее играть. И всегда играя, я переживаю ее. И знаете, там я на сцене жую хлеб, мне всегда в карман кладут кусочек хлеба, и я — за кулисами доедаю его с большим аппетитом. Ничего вкуснее я в жизни не ел, как этот кусочек хлеба». Чуковский описывает, как Монахов гримировался для этой роли: «Раньше всего он взял пластырь, приклеил его к кончику носа — и другим концом к переносице. Нос задрался кверху, изменив все выражение лица. <...>

Потом он надел курчавый парик и стал грунтовать лицо. Потом пришел «художник» и стал кистями расписывать это лицо, доставляя тем Монахову удовольствие. Я с любопытством смотрел, как один мой знакомый — у меня на глазах — превращается в другого моего знакомого, т. е. Труфальдино для меня — живое лицо, столь же реальное, как и Монахов» (К. Чуковский. Дневник, 9 декабря 1923 г.).

¹⁰⁷ Мария Андреевна *Бекетова* (1862—1938), переводчица, сестра матери Блока Александры Андреевны Кублицкой-Пивотух (урожд. Бекетовой; 1860—1923).

¹⁰⁸ Татьяна Николаевна *Гиппиус* (1877—1957), художница, сестра З. Н. Гиппиус, автор карандашного портрета Блока (1906).

¹⁰⁹ В 1922 г. в издательстве «Алконост» вышла книга М. А. Бекетовой: «А. Блок. Биографический очерк». Новая книга Бекетовой «Александр Блок и его мать» была опубликована в 1925 г.

¹¹⁰ «Ночные часы» — название четвертого сборника стихотворений Блока. Книга вышла в октябре 1911 г. в издательстве «Мусагет». Среди отделов сборника были: «Страшный мир» и «Возмездие». В свое время Блок посылал эту книгу Чуковскому (ЗК, 205).

¹¹¹ Это письмо опубликовано (VIII, 458). Блок пишет о поэме Ахматовой: «Прочтя Вашу поэму, я опять почувствовал, что стихи я все равно люблю, что они — не пустяк, и много такого — отрадного, *своего*, как сама поэма. Все это — несмотря на то, что я никогда не перейду через Ваши *«совсем не знала», «у самого моря», «самый нежный, самый кроткий»* (в «Четках»), постоянные *«совсем»* (это вообще не Ваше, общеженское, всем женщинам этого не прощу). Тоже и «сюжет»: не надо мертвого жениха, не надо кукол, не надо

«экзотики», не надо уравнивать с десятью неизвестными; надо еще жестче, неприглядней, больнее. — Но все это — пустяки, поэма настоящая, и Вы — настоящая».

¹¹² Речь идет о статье К. Чуковского «Ахматова и Маяковский. (Две России)». Статья написана в 1920 г. и опубликована в 1921-м в журнале «Дом искусств», № 1.

¹¹³ Николай Александрович Морозов (1854—1946) — революционер-народоволец, «шлассельбуржец» (он провел 25 лет — с 1881-го по 1905 г. — в шлассельбургской крепости), ученый, поэт.

¹¹⁴ Лев Моисеевич Клячко (1873—1934) — журналист, основатель и владелец издательства «Радуга». Именно Клячко был первым издателем таких сказок Чуковского, как «Тараканище», «Мойдодыр» (1923), «Бармалей» (1925), «Федорино горе», «Телефон», «Путаница» (1926) и др.

¹¹⁵ Такой сборник в конце концов не был издан.

¹¹⁶ С 26 апреля 1919 г. до июля 1921 г. Блок был председателем режиссерского управления Большого драматического театра. Он не раз выступал перед актерами, зрителями, а также написал несколько статей на театральные темы (VI, 347). О работе Блока в театре Чуковский впоследствии вспоминал: «Всей душой он прилепился к театру, радостно работал для него: объяснял исполнителям их роли, истолковывал готовящиеся к постановке пьесы, произносил вступительные речи перед началом спектаклей, неизменно возвышал и облагораживал работу актеров. <...> Актеры любили своего вдохновителя. «Блок — наша совесть», — говорил мне режиссер А. Н. Лаврентьев. «Мы чтим его по третьей заповеди», — сказал знаменитый артист Н. Ф. Монахов. Блок чувствовал, что эта любовь непритворна, и предпочитал среду актеров литературной среде. <...> Успехи актеров он принимал очень близко к сердцу и так радовался, когда им аплодировали, словно аплодировали ему» (К. Чуковский. Современники, с. 291).

¹¹⁷ Надежда Ивановна Комаровская (1885—1967) — драматическая актриса. Блок неоднократно упоминает о ней в своих «Записных книжках».

¹¹⁸ Речь идет о стихотворении «Клеопатра», которое начинается словами: «Открыт паноптикум печальный» (II, 207). О Музее восковых фигур см. запись в Дневнике Чуковского 26 марта 1923 г.

¹¹⁹ Статья эта называлась «Третий сорт» и была напечатана в «Весах» не в 1904—1905 гг., а в первом номере за 1908 г. Эта же статья (в переработанном виде) вошла во 2-е и 3-е издание книги Чуковского «От Чехова до наших дней» (1908). Книга вызвала негодование Блока.

¹²⁰ Александр Авелевич Мгебров (1884—1966) и Виктория Владимировна Чекан (1888—1974), драматические актеры. Об А. А. Мгеброве и его отношениях с Блоком см. ЛН, т. 89, с. 305.

В 1912 г. Мгебров и Чекан вместе с Л. Д. Блок участвовали в гастролях, устроенных под руководством В. С. Мейерхольда в театре-казино в Терноках (там же, с. 279).

¹²¹ Аничковы — Евгений Васильевич (1866—1937), критик, историк литературы, и его жена Алла Митрофановна (1868—1935), писательница. В своих воспоминаниях Чуковский рассказывает об одном из вечеров у Аничковых, где он видел Блока среди гостей (К. Чуковский. Современники, с. 260).